

2017 № 4

Евгений БЕЛЖЕЛАРСКИЙ

Алексей КОЗЫРЕВ

Олег МАТВЕЙЧЕВ

Андрей РОГОЗЯНСКИЙ

Василий ЩИПКОВ

Monica PAPAŹU

ЕТРАДИ

Русской
экспертной
ШКОЛЫ

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 4

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 4** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – М. : Русская экспертная школа, Пробел-2000, 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-98604-646-4

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник избранных экспертных позиций и докладов, обсуждавшихся на семинарах и конференциях Школы в 2017 году. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: какого человека формирует современное образование, как осуществляются революции в современном мире, как события 1917 года влияют на современный политический дискурс, как формируется образ Русской Православной Церкви за рубежом, что такое интеллектуальная дипломатия и каковы истоки культурного кризиса современной Европы.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-646-4

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В. А., 2017.
© Пробел-2000, 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

В. А. Щипков

Отношение к 1917 году как показатель
идеологических поисков в современной России (доклад) 5

А. П. Козырев

Философия образования и философия человека.
Какого человека формирует современное «глобальное образование» .. 39

О. А. Матвейчев

Революция под ключ. Кто заказывает
и как осуществляются революции в современном мире 65

А. Б. Рогозянский

Образ русского православия в экспертных сообществах Запада 91

Е. А. Белжеларский

Переосмысление модерна:
цивилизационное превосходство и Другой 102

Интеллектуальная дипломатия

В. А. Щипков

Что такое интеллектуальная дипломатия 109

Е. Е. Мамаев

О докладе М. Папазу «Размышления о Европе:
идентичность и верность» 112

М. Papazu

Reflections on Europe: Identity and Fidelity 120

Эксперты номера

Белжеларский Евгений Александрович

научный консультант Русской экспертной школы,
политический философ, литературный критик

Козырев Алексей Павлович

заместитель декана философского факультета
МГУ им М. В. Ломоносова, канд. филос. наук, доцент

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политолог, политический технолог
и консультант, канд. филос. наук

Рогозянский Андрей Брониславович

научный консультант Русской экспертной школы,
философ, публицист

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы,
преподаватель МГИМО МИД России, канд. филос. наук

Papazu Monica

Master of Arts, writer (Denmark)

В. А. Щипков

директор Русской экспертной школы, преподаватель МГИМО МИД России
кандидат философских наук

ОТНОШЕНИЕ К 1917 ГОДУ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОИСКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ДОКЛАД)¹

Сегодня в медийном и научном дискурсе существуют пять разных взглядов на революционные события в России 1917 года: классический либеральный подход, неолиберальный (амбивалентный) подход, подход западных социалистов, подход российских социалистов и традиционалистский подход. Они не являются статичными и совершают идеологические дрейфования. В год столетия революции в России целесообразно проанализировать эти подходы и попытаться предсказать, в каком направлении они будут развиваться.

Классический либеральный (правый) подход

Февраль — хорошо и важно, Октябрь — зло, СССР — зло

Традиционно важное место в современных западных источниках занимает подход, сформировавшийся за годы холодной войны. Этот подход правильнее назвать классическим либеральным, так как он исходит из ценностей рыночной экономики, демократии и гражданских свобод и основывается на

¹ Основные положения доклада в сокращённом варианте были впервые изложены в статье В. А. Щипкова «Пять революций. Современные идеологические подходы к оценке 1917 года», опубликованной в издании «Тетради по консерватизму» № 2 (2017).

убеждении, что Февральская революция была для России добром, а Октябрьская — абсолютным злом.

Этот подход отстаивает идею о том, что Февральская революция была «европейской» революцией, которая несла народу России надежду на демократические преобразования по европейским образцам: народ воодушевлялся предчувствием больших положительных перемен, перед ним приоткрывались перспективы нового и благополучного будущего.

Сторонники этого подхода утверждают, что Февральская революция давно вызревала в обществе и была неизбежна: происходило падение авторитета власти, церкви, армейского командования. Протестная волна двигалась снизу, была обусловлена внутренними болезнями². Никаких масонских и иных заговоров не было, роль Запада в этих процессах не была определяющей. Здесь же звучит мысль, что Октября можно было избежать, если бы удалось раньше провести выборы в Учредительное собрание, выйти из войны и если бы Временное правительство смогло объединить под своим началом широкую левую коалицию.

В качестве причин краха Февральской революции в рамках этого подхода называются те же, что распространены и в советской историографии. Современный британский историк С. Бэдкок на сайте Би-Би-Си определяет их так: «Главная причина — разрыв между простыми людьми, трудящимися, народом, если хотите, и политической элитой. Новые правители не смогли понять нужды и потребности рядовых русских людей»³.

² Piontkovsky A. The Russian Spring Has Begun [Электронный ресурс] // Hudson Institute. 2011. Режим доступа: <http://hudson.org/research/8572-the-russian-spring-has-begun> (дата обращения: 01.10.2017).

³ Бэдкок С. Февраль 1917-го. Нестолничная революция [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6423000/6423259.stm (дата обращения: 01.10.2017).

Противоположная оценка даётся революции Октябрьской, которая описывается как беда России, конец демократических начинаний, начало эпохи террора и тоталитаризма. Либеральный подход обозначает её как «антиевропейскую» революцию, закрывшую для России окно в Европу⁴.

Фигуры императора Николая II и членов его семьи в классическом либеральном подходе не имеют принципиального значения: царя принято жалеть, но не рассматривать как важную историческую и политическую фигуру. Эпоха дореволюционной России воспринимается эмоционально, лирически: «Россия, которую мы потеряли». Утраченная культура, традиции, история дореволюционной России важны только как безвозвратно утерянные символы, как напоминание о жестокости большевиков, как показательно негативные последствия Октября. В идее «потерянной» России больше ненависти к советской власти, чем ностальгии по ушедшей эпохе.

В ряде стран Восточной Европы и постсоветского пространства, где в ход периодически пускается агрессивная антисоветская риторика, за идеологическую основу также берётся этот классический либеральный подход. При этом молодые проевропейские режимы, как правило, упрощают его для своих нужд: в публичной риторике полностью опускается тема Февраля, а основное внимание фокусируется на Октябре, деятельности большевиков и их преступлениях. Это направление мысли является базовой конструкцией, обслуживающей до сих пор политику десоветизации. Рано или поздно оно неизменно порождает идею о необходимости проведения «трибунала» над

⁴ Does Russia Belong to Europe? [Электронный ресурс] // Center on Global Interests. 2016. Режим доступа: globalinterests.org/2016/04/29/does-russia-belong-to-europe/ (дата обращения: 01.10.2017).

советской историей и юридического её осуждения. Это показательный пример того, как разработанный комплекс одних и тех же идей по-разному преломляется и эксплуатируется в «западном центре» и «западной периферии»: в первом случае это респектабельные и отточенные концепции, во втором — грубоватая и зачастую непоследовательная риторика. Но как хорошая техника может долго работать в руках любого, так и эти идеологические конструкции вполне выдерживают небрежную эксплуатацию и долго остаются эффективными. Памятники Ленину сносятся в логике именно этого классического либерального подхода.

Среди российских фабрик мысли, транслирующих классический либеральный подход, можно, например, выделить Московский центр Карнеги, в публикациях которого Февраль 1917 года называется «несбывшимися надеждами на либерализацию»⁵.

Итак, в классическом либеральном подходе принципиально выделяются две революции — Февральская и Октябрьская. Первая описывается как позитивное явление, второе — как негативное. Октябрь здесь предстаёт как следствие неудачи Февраля. Но наиболее трагический момент истории при таком подходе заключается не в самом Октябре и даже не в его тяжёлых последствиях, а в «упущенных возможностях» Февраля, который не смог удержать власть и не успел сформировать устойчивую систему государственного управления. Таким образом, классический либеральный подход строится на противопоставлении Октября Февралю. Несмотря на то, что этот подход

⁵ Shevtsova L. The Next Russian Revolution [Электронный ресурс] // Carnegie Moscow Center. 2012. Режим доступа: carnegie.ru/2012/10/30/next-russian-revolution-pub-50211 (дата обращения: 01.10.2017).

до сих пор широко распространён в современной либеральной мысли, в нём уже четверть века происходят эволюционные изменения.

Неолиберальный (амбивалентный) подход

Февраль — хорошо и неважно, Октябрь — хорошо и важно, революция — всегда благо, советская действительность — зло

После распада СССР, утверждения новых проевропейских режимов на постсоветском пространстве и начала эпохи цветных революций либеральный подход к трактовке событий 1917 года столкнулся с идейным кризисом: перестали быть актуальными и востребованными противопоставления Февраля Октябрю, а также поиски исторических сценариев, объясняющих, как можно было бы избежать катастрофы и направить энергию 1917 года в мирное русло. Сам же Октябрь в либеральном подходе не получил нового осмысления, стал превращаться в частный и малоизвестный исторический факт. Линейная трансляция ненависти и открытое желание десоветизации в формате исторической мести и вовсе заводит либеральный подход в идейный тупик: тема 1917 года перестаёт выполнять какую-либо функцию и выпадает из либеральной идеологической конструкции.

Эстафету у тупиковой и невостребованной либеральной концепции взял неолиберальный подход, который стремится преодолеть возникающие смысловые противоречия либерального подхода через усиленную сакрализацию идеи революции.

Неолиберальный подход — амбивалентный, двойственный. В целом сохраняя парадигму либерального взгляда, он реже говорит «о двух революциях» и смещает центр своего внимания на события Октября. Далее он совершает свой глав-

ный идеологический акт: Октябрьская революция исторически и морально отделяется от всей последовавшей за ней политики большевиков, происходит противопоставление идеи революции политике большевизма. Таким способом этот подход определяет революцию как исторически объективный и необходимый феномен в жизни общества и одновременно очерняет реальную ситуацию в тогдашней России, клеймит преступления лидеров большевистского движения.

Однако и на этом неолиберальный подход не останавливается. В настоящее время проводники этого подхода осуществляют следующую операцию: отделяют теорию большевистской социал-демократии от её реальных практик в России. Большевистская социал-демократия характеризуется неолибералами негативно только в том объёме, в каком она была искажена российской действительностью, большевизмом и фигурами Ленина и Сталина. Сами же по себе социал-демократические идеи, вышедшие из европейской философской мысли, признаются и оцениваются позитивно, как несущие демократические свободы и полезные для России того времени преобразования. Не будет удивительным, если в будущем сам термин «большевизм» когда-нибудь будет реабилитирован логикой неолиберального подхода.

В конечном итоге неолиберальный подход максимально оправдывает и превозносит идею революции как важнейшего исторического и культурного события в жизни общества, снимая с неё негативные смысловые отягощения: революция объявляется благом, революционные политические идеи в начале русского XX века — передовыми и позитивными, но сама реальность в той России — злом. Неолиберальный подход предлагает новую риторику, позволяющую успешно транслировать старые либе-

ральные идеи (реваншизм, пересмотр итогов революции 1917 года, исторического трибунала над современной Россией). Раньше — в рамках либерального подхода — говорилось, что история России омрачена революционными процессами 1917 года, теперь же чаще говорится, что это был единственный проблеск в истории страны. Раньше идея революции воспевалась советским государством, теперь — современными западными идеологами, бывшими «антибольшевистскими крестоносцами».

Ряд экспертов, придерживающихся классического либерального взгляда, в последние годы стали часто и настойчиво добавлять к своим привычным комментариям слова надежды на новую революцию в современной России: «Россия встречает годовщину той революции ожиданием новой, потому что реально только она может разрешить долгосрочный системный кризис»⁶. Или: «Для постсоветских обществ революция — это всё ещё законный инструмент социальных изменений»⁷. Старший советник «Атлантического совета» (известная американская фабрика мысли) Х. Ульман, утверждает, что в России в XX веке были две революции, в 1917 и 1991 годах, и предлагает ждать «третью» в будущем⁸. Это одно из направлений, по которому либеральный подход дрейфует в сторону неолиберального, поскольку Октябрь в этих построениях рассматривается как позитивный феномен.

⁶ Революция как сплетение проектов [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: [news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6422000/6422339.stm](https://www.bbc.com/russian/russia/newsid_6422000/6422339.stm) (дата обращения: 01.10.2017).

⁷ *Sotieva L.* The legacy of the Russian revolution, 100 years on [Электронный ресурс] // Russia and beyond. 2017. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/larisa-sotieva/legacy-of-russian-revolution-100-years-on> (дата обращения: 01.10.2017).

⁸ *Ullman H.* The Third Russian Revolution [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2013. Режим доступа: www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/the-third-russian-revolution (дата обращения: 01.10.2017).

Неолиберальный подход к теме 1917 года основывается на поиске революционного нерва в современном идеологическом пространстве, без особого внимания к тому, в каких декорациях этот нерв проявляется.

В каком-то смысле неолиберализм менее «идеологичен», чем либерализм, который в прошедшем столетии был настроен на последовательную борьбу с советским социализмом, когда одна идеология бескомпромиссно противопоставлялась другой, рынок — плану, индивид — государству, Февраль — Октябрю. С завершением советского периода либерализм стал «всеобщей» идеологией, «метаидеологией», а его учения о человеке, обществе и государстве были объявлены нормативными и поднялись на высоту, недостижимую для оспаривания. Место же дискурсивной нормы, которое в западных странах ранее отводилось либерализму, занял неолиберализм. Неолиберализм является трансидеологией, состоящей из разнообразных элементов, в том числе не всегда свойственных либерализму, и обслуживающим оператором либерализма на современном этапе истории. Одним из этих элементов является вдохновлённая постмодернизмом идея перманентного разрушения современности ради движения вперёд, идея «революции», которая сама по себе становится движущей силой общества в условиях неолиберального и во многом безыдейного постиндустриализма.

Прямо или косвенно идею революции поддерживают все категории спикеров и авторов,двигающихся в неолиберальном мейнстриме, независимо от их политических взглядов.

Если говорить о России, то среди ярких примеров неолиберального подхода можно отметить позицию историка И. Б. Чубайса, который отмечает, что историческая Россия и Советский Союз являются «взаимоисключающими государствами»,

выступает за «Русский Нюрнберг» и возвращение к «исторической России до 1917 года» любыми, в том числе революционными методами (по этой аналогии «Русскому Нюрнбергу» должно предшествовать «Взятие Берлина», то есть силовая смена власти в России). С рядом оговорок можно отнести к этой же категории историка А. Б. Зубова, который отстаивает необходимость пересмотра итогов гражданской войны в России в пользу белых демократических сил и выражает желание, как и И. Б. Чубайс, произвести откат общества в состояние накануне 1917 года; при этом он не против новой революции в декорациях современной России. Революционный нерв виден и в рассуждениях историка и политолога Ю. С. Пивоварова, который отстаивает точку зрения о том, что приход в 1917 году к власти большевиков привёл к появлению совершенно нового и по многим качествам отрицательного антропологического типа, своеобразного антиевропейца — «хомо советикуса», который, по его словам, до сих пор доминирует в России и является источником многих её социальных проблем.

Здесь трудно не вспомнить аллегории, связанные с так называемым «майданным богословием» — направлением современной мысли, ориентированным на поиск богословских оправданий цветных революций. Как учит практика «майдана», для искоренения из себя «бездуховности», «советскости», «российскости», «москальства» и перевоплощения в европейца, человека духовного, нужно совершить определённый революционно-религиозный акт, где «молитвой» станут песни рок-групп, славословие будет заменено текстом «Слава Украине», поклоны — харизматическим скаканьем, призванным встряхнуть из человека остатки его советского прошлого, просфора — печеньем, ладан — чёрным дымом горящих покрышек.

Это, конечно, утрированная аналогия, но она способна показать, как дух 1917 года с его тёмным и упаднически-восторженным мистицизмом недвусмысленно призывается рядом мыслителей в наши дни. Они, как правило, являются идейными сторонниками модернизации общества и системы управления с помощью «демократических революций» и часто верят в их преобразующую силу, как верили революционные группировки накануне 1917 года в неизбежность и необходимость физической борьбы со строем.

Похожий подход использован в интернет-проекте «Свободная история», запущенном в конце 2016 года (главный редактор М. Зыгарь), где в исторических декорациях чёрного юмора, отсутствия моральных сил и ориентиров, беспомощности перед будущим, упадничества и восторженного безумия изображается картина духовно и интеллектуально агонизирующей страны, которой может помочь только роковая и очищающая революция. Подобные проекты стремятся воспроизвести революцию, сделать её снова реальностью — «это способ оживить прошлое и приблизить его к настоящему»⁹.

Было бы, однако, несправедливым сказать, что «дух революции» манит только сторонников «майдана» и «Болотной». Революционный нерв присутствует и на противоположной стороне баррикад, на «Поклонной горе». «Революционерами» по духу в определённой степени являются и С. Кургинян, который в своей риторике возрождает идею классического левого советского проекта и желал бы «перезагрузить» СССР в исправленной и доработанной версии «2.0», и А. Проханов, для которого

⁹ Что такое «1917. Свободная история»? [Электронный ресурс] // 1917. Свободная история. Режим доступа: <https://project1917.ru/about> (дата обращения: 01.10.2017).

важнейшей поворотной (фактически, революционной) вехой русской истории стала фигура Сталина. Сталин у Проханова — это явление постмодернистского порядка, это возвращение к метафизической России, это «Победа», это в конечном итоге вечная национал-имперская контрреволюция и революция одновременно.

Революционный настрой встречается и у монархистов-патриотов, и у идеологов белого реваншизма. Например, ещё недавно на одной конференции РИСИ, в годы симпатий его руководства к белому движению, один из научных сотрудников эмоционально заявил: «Надо наконец добиться официального признания, что в 1991 году в России победили белые!». В издании РИСИ «Столетие великой русской катастрофы 1917 года» утверждается, что 1917 год привёл к окончательному и неоправданному слову национального кода русского народа, но что при этом белое движение не потерпело окончательного поражения, его настоящая идеология — православие, а белый вождь — царь. Такая «антиреволюционная» риторика, призывающая к пересмотру результатов 1917 года, к историческому реваншу, сегодня тоже работает в «революционной» парадигме.

Все перечисленные выше спикеры являются приверженцами неолиберального подхода к событиям 1917 года, несмотря на то, что в политическом плане они могут быть противниками. Они пытаются оживить революцию, объяснить и осознать события столетней давности через поиск актуального революционного нерва и транслировать его в наши дни. В одном неолиберальном ряду оказываются и авторы проекта «Свободная история», и политологи, искусственно проводящие многочисленные аналогии между 1917 и 2017 годами, и разного рода идейные реваншисты, убеждённые в необходимости пересмотреть итоги

1917 года в чью-либо пользу (хотя бы моральную), и современные авторы «революциологии», изучающей государственные перевороты как важнейший способ развития демократического общества, — научного направления, до поры заброшенного, но сегодня вновь возрождаемого.

На Западе палитра идей и образов, связанных с темой 1917 года, в настоящее время также вращается вокруг превозношения самой идеи революции, в отрыве от собственно историко-идеологических споров. Революция — отдельно, а большевистская социал-демократия, реальное положение дел в советской России, политика Сталина и другие темы — отдельно. Революция, гражданская война, коллективизация и репрессии в западном информационном пространстве не имеют таких тесных причинно-следственных связей, какие они имеют в современных российских дискуссиях.

Именно такой подход организаторы положили в основу выставки «Революция: русское искусство 1917–1932», которая открылась в феврале 2017 года в лондонской Королевской академии художеств, где революционный дух показан воодушевляющим человека, устремляющим его вверх, в будущее. По словам куратора выставки, преподавателя русского искусства в Институте Курто (Лондон) Натальи Маррэй, главная задача выставки — показать «романс революции»¹⁰. Такой же подход использовался в художественном оформлении церемонии открытия Олимпиады в Сочи в 2014 году, один из центральных эпизодов которого был посвящён искусству русского революционного авангарда.

Таким образом, классический либеральный подход к

¹⁰ В Лондоне открылась выставка, посвящённая русской революции 1917 года [Электронный ресурс]//НТВ.2017.Режим доступа: www.ntv.ru/novosti/1759018 (дата обращения: 01.10.2017).

оценке 1917 года движется в сторону неолиберального. Старый антисоветизм становится более разборчивым, идея революции чаще превозносится, социал-демократические и иные революционные учения того времени отделяются от теории тоталитаризма, темы гражданской войны и советских репрессий. Это оживляет и активизирует дискуссию в интересах устаревающего либерального подхода, наполняя его новой идеей. Главная цель неолиберального подхода — сделать так, чтобы люди снова почувствовали дурманящий запах революции, и не важно, что мысленно одни будут восстанавливать историческую справедливость или дворянскую честь своих предков, другие — мстить за царя и мечтать о монархии, третьи — переигрывать исход политической борьбы между эсерами, кадетами и социал-демократами, четвёртые — культивировать внутреннее желание отомстить большевикам. Неолиберальная мысль не просто оправдывает 1917 год и современные цветные революции. Она обожествляет саму революцию. Революция — это её «бог»:

«В этом смысле Христос — религиозный предел всякой революции... Религия и революция — не причина и следствие, а одно и то же явление в двух категориях: религия — не что иное, как революция в категории Божеского; революция — не что иное, как религия в категории человеческого. Религия и революция — не два, а одно: религия и есть революция, революция и есть религия»¹¹.

Об этом Мережковский писал в 1908 году, эти же идеи живы и в 2016 году:

¹¹ Цит. по: *Козырев А. П.* Революция и русская мысль // Тетради Русской экспертной школы: научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. М.: Русская экспертная школа, Пробел-2000, 2017. 120 с.

«Революция — единственный способ для таких людей [избранного меньшинства — прим. В. Щ.] прикоснуться к Истории: не наблюдать её со стороны, а творить её. И неважно, каким окажется результат подобного творчества. Ощущение причастности к чему-то гораздо, гораздо большему, чем ты сам, останется на всю жизнь — как самая сильная эмоция, самое сильное чувство, пережитое человеком.

С психологической точки зрения революция — попытка человека радикально обновить мир и столь же радикально обновиться самому. И в стремлении к ней, в своём революционном действии человек на мгновение уподобляется богу»¹².

Неолиберализм сегодня становится религией революции, неолиберальной теодицеей, в которой «теос» означает «Революцию».

Подход западных социалистов (левых)

*Февраль — хорошо и неважно, Октябрь — хорошо и важно,
социалистическая революция — благо,
советская действительность — зло*

Классическому либеральному подходу к теме революции на Западе, как и в советской России, традиционно противостоял левый взгляд на революцию.

Взгляд западных левых на события 1917 года формировался в XX веке одновременно с правым подходом (классическим либеральным). Он зиждется на трёх утверждениях: Октябрьская революция — безусловное историческое достижение и благо, февральские события в России должны рассматриваться лишь

¹² Соловей В. Д. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016.

в контексте Октября, а не как отдельная революция, а власть большевиков в России начиная со Сталина имела мало общего с социалистическими идеалами.

Настойчивое отделение теории Маркса от реальной политики большевиков делает современных западных левых, наверное, наибольшими идеалистами на всём современном политическом спектре. Они отказываются от советского проекта — как от чуждого и еретического по отношению к первоначальному учению. А поскольку других серьёзных примеров реального воплощения социалистической теории история не знает (Китай, Куба, Венесуэла также не рассматриваются классическими левыми как достойный образец подражания), то западные левые нарочито уходят от исторической реальности в область проектирования.

Показательным примером является риторика фонда «Розы Люксембург», аналитического центра, аффилированного с немецкой «Левой» партией¹³. Центральным пунктом этой риторики является утверждение о том, что в современном (либеральном) дискурсе доминирует ошибочный подход: Февральская революция оценивается в его рамках позитивно по причине её буржуазной природы, которая соответствует буржуазной природе современного общества, тогда как пролетарская Октябрьская революция и коммунистические деятели, её свершившие, рассматриваются нынешним правым истеблишментом как «воплощения терроризма и насилия», а социалистический строй — как «априори бесчеловечный». По утверждению руководства фонда, это происходит потому, что историю пишут по-

¹³ Die Russische Revolution 1917 in der aktuellen Debatte [Электронный ресурс] // Rosa Luxemburg Stiftung. 2010. Режим доступа: www.rosalux.de/news/36815/die-russische-revolution-1917-in-der-aktuellen-debatte.html (дата обращения: 01.10.2017).

бедители. На это «Роза Люксембург» предлагает классический левый ответ: революция была одна и продолжалась непрерывно с февраля по октябрь, она была в чистом виде социалистическая, пролетарская и осуществлялась по теории марксизма, она была безусловным положительным явлением в жизни России и Европы. Далее фонд утверждает, что одна из главных теоретических задач современных левых — найти ответы на сложные вопросы, связанные с осмыслением 1917 года: почему практика революции не всегда соотносится с теорией, какой террор, «красный» или «белый», был первичным, почему впоследствии была искажена политическая линия Ленина и кто в этом виноват. На сегодняшний день клубок этих вопросов во многом распутывается путём обращения к личности Сталина: Сталин в интерпретации европейских левых — террорист и антикоммунист, Ленин — выдающийся теоретик революции и деятель левого движения, не несущий ответственности за политику своего последователя.

Квинтэссенцией подхода европейских левых к 1917 году является утверждение о том, что социалистическая революция — это всегда положительное явление, тогда как Советский Союз не являлся подлинным социалистическим государством, и его история была омрачена многими преступлениями. Разоблачая реальные недостатки советского строя, современные левые теоретики пытаются отделить природу 1917 года от природы последовавшего времени: Октябрь — отдельно, СССР — отдельно; Октябрь — это классика, СССР — это левая ересь.

Почти в тех же выражениях описана советская Россия в материалах «Marxist.com»: «...В России был не социализм, а пародия на социализм. Несмотря на часто звучащую клевету, именно сталинский режим был антитезой демократического режима,

созданного большевиками в 1917 году»¹⁴. Точно такие же тезисы звучат, например, и на страницах либерально-секулярной пакистанской газеты «Daily Times». Автор, Лал Хан, убеждённый марксист, отмечает, что Октябрьская революция в России была несправедливо оклеветана, а благие начинания Ленина и Троцкого были попорчены Сталиным, который похоронил революционные идеалы и планы относительно мировой пролетарской революции¹⁵. В том же духе рассуждают левые британские авторы Т. Сандерс (T. Sanders) и Дж. Ньюсингер (J. Newsinger), написавшие к столетию революции в России роман «1917: красный год России» («1917: Russia's Red Year»). В романе проводится мысль о том, что революция была новой эрой для России и благом для всего мира: она принесла рабочие советы, демократию и самые прогрессивные на тот момент права для женщин. Как отмечается в рецензии на страницах газеты «Socialist Worker», выпускаемой Социалистической рабочей партией Великобритании, роман излагает аргументы в пользу социализма и вдохновляет «продолжать борьбу за лучший мир»¹⁶.

Выражение «западные левые» в данном случае обозначает не столько географическую, сколько ценностную характеристику. «Западные левые» — наследники и поборники чистоты

¹⁴ Woods A. What the Russian Revolution achieved and why it degenerated [Электронный ресурс] // In Defence of Marxism. 2017. Режим доступа: www.marxist.com/what-the-russian-revolution-achieved-and-why-it-degenerated.htm (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁵ Khan L. The Russian Revolution of 1917: lasting the ravages of time [Электронный ресурс] // Daily Times. 2016. Режим доступа: dailytimes.com.pk/opinion/06-Nov-16/the-russian-revolution-of-1917-lasting-the-ravages-of-time (дата обращения: 01.10.2017).

¹⁶ 1917 — Russia's Red Year is inspiring in full colour a century on [Электронный ресурс] // Socialist Worker. 2016. Режим доступа: <https://socialistworker.co.uk/art/43725/1917+++Russias+Red+Year+is+inspiring+in+full+colour+a+century+on> (дата обращения: 01.10.2017).

академических левых идей, сформулированных в европейской философской мысли.

Поэтому такого же взгляда придерживаются и российские классические, «западные» левые, наиболее ярким представителем которых является политолог, директор Института глобализации и социальных движений Б. Ю. Кагарлицкий. По его словам, революция представляла собой единый положительный процесс, начавшийся в феврале 1917 года и продолжавшийся длительный период, в том числе после Октября, пока она не деградировала и не сошла на нет при Сталине: «Русская революция перевернула не только Россию, она радикально изменила весь мир... Итогом стало бесплатное образование, здравоохранение, даже повсеместное введение всеобщего равного избирательного права, которое до 1917 года отсутствовало не только в России, но и во многих странах Запада». По убеждению Кагарлицкого, революция оказала положительное влияние на страны Запада, где со временем начались масштабные социальные реформы как реакция на процессы в советской России, но сам Советский Союз провалил попытку построить социализм на практике¹⁷.

Описываемый подход чаще лежит в основании идеологии «старых», классических европейских левых. Их тезисы часто начинаются с утверждения о том, что Октябрьская революция, как и любая социалистическая революция, есть благо, и заканчиваются утверждением, что СССР не является примером правильного социалистического государства.

Однако и так называемые новые левые, будь то уличные антиглобалисты, феминистки или респектабельные политологи,

¹⁷ Кагарлицкий Б. Ю. Революция 1917-го радикально изменила весь мир [Электронный ресурс] // Pravda.ru. 2013. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/society/07-11-2013/1181206-revolution-0/> (дата обращения: 01.10.2017).

продолжают воодушевляться идеей революции — мечтой о низвержении иерархии глобального капитала и о реванше за большой период истории, начинающийся с эпохи географических открытий. Для новых левых идея революции — ещё более широкое и важное понятие, чем для «старых», классических левых. Новые левые уже без интереса смотрят на события 1917 года, для них не существует спора между Февралём и Октябрём и по большому счёту между Лениным и Сталиным. История советской России является для них периферийной и неинтересной, поскольку они видят в СССР структурную вторичность по отношению к Западу, противовес, который своим существованием помог укрепиться западной глобальной финансовой системе.

Несмотря на существующие различия между старыми и новыми левыми, оба эти движения объединяет однозначно положительное отношение к самому феномену революции, что в идеологическом пространстве сегодня сближает их с неолибералами. Особенно близкое понимание революции наблюдается у новых левых и неолибералов.

Для новых левых и неолибералов, возникших на гребне постмодернистской волны 1960-х годов, революция означает разрушение современности. Только если неолибералы заняты постмодернистским разрушением современности, перманентным и революционным отрицанием окружающего культурного пространства, то новые левые борются не с текущей современностью, а с историческим модерном — эпохой, которая началась с великих географических открытий, установления колониального мира и возникновения «национальных государств» в Европе. В этом смысле если неолибералы — постмодернисты, то новые левые, скорее, — «антимодернисты». Новые левые ощущают себя реваншистами, выступающими за

историческую левую альтернативу либеральному глобализму. Они видят источник проблем в либеральной и неолиберальной идеологии. Неолибералы же видят источник проблем в отсталых, недемократических частях света и общественных порядках, и только затем — в себе самих, в современности, поэтому склонны не к реваншизму, а к военно-экономическому интервенционизму и культурному саморазочарованию одновременно.

Идея революции является исходной точкой и опорным элементом в этих идеологических конструкциях. Положительное отношение к революции наблюдается в неолиберализме и «западных» левых подходах, что влияет на положительные оценки ими событий 1917 года.

Подход российских социалистов (левых)

Февраль — плохо и неважно, Октябрь — хорошо и важно

Современные российские левые и российские социалисты, в отличие от «западных» левых, — это те партии и мыслители, для которых исключительную ценность представляет память о советском социалистическом проекте и Великой Октябрьской социалистической революции. В отличие от западных левых они негативно относятся к Февралю, а положительно оценивают не только ленинскую эпоху, но и весь последующий советский период.

Наиболее ярким представителем этой позиции является КПРФ. Риторика российских коммунистов по многим пунктам совпадает с позицией западных левых: Октябрьская революция — это продолжение «буржуазного» Февраля, она была теоретически обоснована Марксом и Энгельсом, её осуществил Ле-

нин — гениальный мыслитель и величайший политик; она была не «верхушечным переворотом», а результатом закономерного и предсказанного исторического процесса по переходу общества к более справедливой, прогрессивной формации и произошла на фоне «объективных условий» того времени (Первая мировая война); Российская империя была обречённым государством, Октябрьская революция — благом для страны¹⁸.

Однако эти тезисы составляют лишь первую часть риторики КПРФ, которая продолжается риторикой советско-патриотической, совершенно чуждой любим «западным» левым. Если для европейских социалистов 1917 год является ценнейшим эмпирическим опытом, во многом подтверждающим теорию Маркса, которую можно учитывать и использовать в будущем, то для КПРФ Октябрь 1917 года — важнейшая и неповторимая веха мировой истории, сравнимая лишь с пришествием Мессии две тысячи лет назад. В сознании российских левых другого Октября никогда не будет. Они хранят память об этом событии как о центральном и сакральном, как о фундаменте для всей истории России: без Октябрьской революции и прихода к власти большевиков Россия бы «распалась на множество частей под британским, французским, американским, японским протекторатом»; «против молодой Советской республики ополчились 14 стран», но «страну уберегли стойкость и воля партии большевиков, их опора на широкие народные массы»; за первые 10 лет своего существования советская Россия сумела преодолеть путь, «на который Европа потратила целое столетие». Ключевой момент этой риторики заключается в смысловом объединении

¹⁸ Интервью Председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова агентству Синьхуа [Электронный ресурс] // КПРФ. 2016. Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/154154.html> (дата обращения: 01.10.2017).

двух дат: 1917 года и 1945 года. КПРФ устами своего лидера последовательно продвигает тезис о том, что без Октябрьской революции была бы невозможна победа над Германией и разгром Японии в 1945 году, дальнейшее восстановление народного хозяйства, создание ракетно-ядерного паритета с США, полёт в космос: «Всё это и многое другое стало прямым следствием Революции, совершённой в октябре 1917 года»¹⁹.

КПРФ в постсоветской России выполняет важную историко-культурную функцию: она цементирует историю советского периода на отрезке между двумя разрывами в 1917 году и 1991 году, пытаясь не допустить возникновения новых разрывов внутри этого периода, сопротивляется упорным либеральным попыткам создать новый исторический разрыв в точке 1937 года, по-своему отделяющей «хорошую» советскую историю от «плохой». Поэтому лидеры российских коммунистов видят одинаковую опасность в пересмотре результатов революции 1917 года и Великой Отечественной войны, в сносе памятников Ленину и памятников советским солдатам.

Эксплуатация советского патриотизма не является главной задачей российских коммунистов. Главное для КПРФ — положить в основание российской традиции советскую историю цельной плитой: именно советская история, лежащая на двух опорах — Октябрьской революции и Победе над фашизмом, — по логике КПРФ, должна стать фундаментом не просто общественно-политической мысли, но мысли философско-теологической. Квинтэссенция традиции по КПРФ: «Нам надо поклониться большевикам, которые спасли страну»²⁰.

¹⁹ Там же.

²⁰ Политики рассказали, как будут отмечать столетие революции [Электронный ресурс] // Вести.Ru. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2828685> (дата обращения: 01.10.2017).

Несмотря на узость такого представления о традиции, включающего в себя коммунистические и советские образы, но оставляющего на периферии интереса православную культуру, оно периодически становится популярным в обществе, особенно на фоне обострения идеологического напряжения со старым либеральным Западом. Когда на Украине и в других странах сносят памятники Ленину, в России в самых разных политических, религиозных и социальных слоях это нередко воспринимается как акт русофобии. Ленина сносят не потому, что он большевик, а потому что он русский деятель. Попытки сохранить советскую историю как часть русской истории приводят многих людей к показательной защите всего советского как части русской исторической традиции. Это естественная ответная реакция: «мы защищаем от посягательств ревизионистов факты советской истории по причине того, что это факты нашей истории».

Одним из ярких примеров такой позиции является публикация политолога Виталия Третьякова «Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года»²¹. Как и КПРФ, Третьяков видит в Феврале символ деградации, а Октябрь оценивает как величайшее достижение. Он отмечает, что большевики воссоединили распавшуюся после Февральской революции страну и дерзнули реализовать утопический проект, который сопоставим «с масштабами самой человеческой истории и уступает разве что появлению и развитию великих религиозных проектов, в частности — христианства», и что за это заслуживают уважения. Октябрьская революция, по словам Третьякова, является образцовой революцией, позитивный опыт которой может и

²¹ Третьяков В. Т. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2017. Режим доступа: svpressa.ru/politic/article/165229/ (дата обращения: 01.10.2017).

должен быть использован в будущем. Поэтому Третьяков призывает отмечать 100-летие «Великой Октябрьской революции» как общегосударственный праздник. Эта позиция полностью совпадает с риторикой КПРФ, при том, что Третьякова нельзя назвать идейным последователем и апологетом этой партии.

К идейной платформе КПРФ сегодня приходит каждый, кто использует советские исторические декорации как основное средство для описания исторической традиции России.

Такого же взгляда на 1917 год придерживается партия «Справедливая Россия»: «Если мы говорим о Феврале, это была трагедия. А если мы говорим об Октябре, то всё-таки это была Великая Октябрьская революция»²². Здесь она повторяет КПРФ, несмотря на все свои стилистические отличия от этой партии.

Однако в идеологии «Справедливой России» есть и свои особенности. Поскольку первоначально она строилась по образцу современных левых европейских партий, в её риторике появляются соответствующие западному леволиберальному дискурсу утверждения о том, что социалистические идеалы Октября не были воплощены в советской действительности и что достижения советской власти не могут оправдать «ни террор, ни массовые репрессии»²³.

В риторике «Справедливой России» присутствуют при этом и ноты третьего, традиционалистского подхода, отрицающего всякие революционные методы: «Все революции без исклю-

²² Политики рассказали, как будут отмечать столетие революции [Электронный ресурс] // Вести.Ru. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2828685> (дата обращения: 01.10.2017).

²³ Выступление Сергея Миронова на конференции «Октябрь 1917. Современное прочтение истории» [Электронный ресурс] // Справедливая Россия. 2012. Режим доступа: www.spravedlivo.ru/5_45467.html (дата обращения: 01.10.2017).

чения безжалостно эксплуатируют человека. Добрых революций не бывает — это очень важный урок истории. Революция — сама по себе есть катастрофа»²⁴. Таким образом, в подходе «Справедливой России» к теме 1917 года сочетаются три разных взгляда: российский левый, «западный» левый и традиционалистский.

Традиционалисты

Сам феномен революции — зло

Помимо перечисленных выше подходов к оценке событий 1917 года и самого феномена революции существует ещё одна точка зрения — традиционалистская. Её нельзя назвать консервативной, так как она не консервирует некую часть истории, а является надысторической и апеллирует к христианскому мироощущению. В современной России этот подход широко распространён не только в интеллектуальной среде, но и в общественном сознании. Он гласит, что революция всегда несёт зло и делается злой волей, под какими бы лозунгами она ни проводилась, а её средства никогда не оправдывают цели. Эта мысль глубоко укоренена в русском сознании, а после перестройки, распада СССР и вхождения России в эпоху нестабильности стала осознаваться отчётливо. Сам термин «революция» стал ассоциироваться с неолиберальной идеологией и политикой западного интервенционизма.

В начале 2010-х, на фоне попыток осуществить в России цветную революцию и с началом украинского кризиса, этот подход особенно укрепился как в российском обществе, так и в официальном российском политическом языке, фактически приобрёл доктринальный характер.

²⁴ Там же.

В новой, постсоветской реальности традиционалистский подход к оценкам 1917 года одним из первых сформулировал А. Солженицын. В 1995 году он опубликовал статью «Размышления над Февральской революцией», в которой озвучил идею о том, что и Февральская, и Октябрьская революции являются «переворотами», одинаково трагичными и неоправданными. Говоря о Февральской революции, Солженицын отмечает, что она «была духовно омерзительна, она с первых часов ввела и озлобление нравов и коллективную диктатуру над независимым мнением (стадо), идеи её были плоски, а руководители ничтожны». И добавляет, что «Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошёл как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания». В этом Солженицын винит стечения исторических обстоятельств и слабость народного духа, оказавшегося не способным рассмотреть угрозу революционной стихии и противостоять её натиску. Но основную часть вины Солженицын вменяет императору Николаю II. Солженицын заявляет, что именно на царе лежала главная ответственность за судьбу страны и народа, от которой он не имел морального права отказываться ни в каком случае, не мог жертвовать своей властью даже ради спасения семьи: «Быть христианином на троне — да, — но не до забвения деловых обязанностей, не до слепоты к идущему развалу». Солженицын смотрит на царя как на политика, что ломает привычные либеральные и неолиберальные подходы к 1917 году, в которых фигура царя зачастую используется для декоративного фона, для демонстрации контраста между старой и мирной Россией и ужасами революции и гражданской войны. Солженицын не монархист, но именно в отречении царя от престола он видит главный трагический момент, предопределивший путь России в XX веке.

Октябрьская революция для Солженицына является следствием февральских событий и отречения царя. Но и на Октябре для него революция не заканчивается: он предложил называть революцией весь период с 1917 года по начало 1930-х — «величайшей кровавой необратимой революцией всемирного значения»²⁵. В этой статье виден Солженицын-традиционалист, который уже не столько обличает большевизм, сколько ищет объяснения исторических разрывов в русской истории XX века.

В современной официальной политической риторике в России чаще всего отражается именно такой взгляд на революцию 1917 года, признающий её важное историческое значение, её объективные социальные и политические предпосылки, но оценивающий её как явление негативное. Основной посыл выступления В. Путина перед Федеральным Собранием в 2016 году — не использовать историю 1917 года для воспроизведения революционных идей в наше время: «Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки»²⁶.

Традиционалистского подхода к оценке 1917 года придерживается и Русская православная церковь, где он не закреплён документально, но проявляется и ощущается весьма отчётливо. Преимущество церковного взгляда состоит в том, что он внепартийный и шире — надполитический. С одной стороны,

²⁵ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Родина. 2017. Специальный выпуск, февраль 2017.

²⁶ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. 2016. Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53379 (дата обращения: 01.10.2017).

Церковь встретила революцию Поместным Собором 1917–1918 годов и восстановлением патриаршества — важнейшими событиями в церковной жизни со времён Петра I, безусловно, призванными укрепить Церковь после длительного синодального периода. С другой стороны, в это же мгновение Православная Церковь вступила в наиболее сложный и трагический период своей истории, подверглась физическому уничтожению со стороны агрессивной секулярной идеологии, что привело к появлению глубочайшего в своей трагичности и монументального по значимости явления — православного новомученичества.

На XXV Международных Рождественских образовательных чтениях «1917–2017: уроки столетия» устами Патриарха Кирилла впервые была озвучена развёрнутая позиция Церкви по отношению к 1917 году. Революция и последовавшие за ней события были названы Патриархом «трагическими испытаниями», «трагедией народа», «горнилом искушений», «моментом истины». Не только 1917 год, но и сам феномен революции Патриарх оценил как однозначно негативное явление и поставил его в один семантический ряд с терминами «война», «геноцид», «катаклизм». Патриарх подчеркнул, что сам по себе 1917 год не был причиной бед Церкви, народа и государства, а стал следствием глубоких внешних социальных противоречий и, что более важно, внутреннего, духовного кризиса общества.

Позиция Церкви, будучи традиционалистской, отличается от других подходов принципиальным отказом видеть в революции положительные черты. В православном сознании 1917 год являлся отнюдь не актом духовного обновления общества и личности, а болезнью, трагическим моментом истории, попущенным Богом за человеческие грехи, а также предельной проверкой христиан на прочность: «Революционные испытания

стали моментом истины для многих, но особенно для тех, кто некогда посвятил себя Богу. Кто-то отпал, не выдержав натиска го- нений, но многие в этом горниле искушений обрели ту полноту веры и готовность идти ради Христа на смерть»²⁷.

Традиционалистский взгляд на революцию 1917 года и на феномен революции вообще постепенно развивается и в со- временной западной философской мысли. Такой подход одина- ково не приемлет революцию буржуазную, социалистическую или цветную. В основном его придерживаются те мыслители и интеллектуальные центры, которые стоят на позициях, близких к традиционному христианству, а также выступают против до- минирования в современном мире либеральной идеологии, как левого, так и правого направлений (см. например, труды А. Макинтайра, Дж. Милбанка, А. Пабста, авторов «Solidarity hall»). К традиционалистам часто близки по духу убеждённые против- ники американского интервенционизма (как правило, это люди левых убеждений).

В год столетия Русской революции появляется множе- ство публикаций и комментариев, дающих оценки событиям вековой давности и осмысляющих современные подходы к ми- ровой истории и роли в ней революционных механизмов. Два генеральных направления этого движения мысли в России мож- но обозначить как неолиберальное и традиционалистское.

²⁷ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международ- ных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс] // Patriarchia.ru. Официальный сайт Московского Патриархата. Режим до- ступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Классический либеральный подход и «западный» левый взгляд дрейфуют в сторону неолиберального, амбивалентного подхода, который оправдывает и превозносит феномен революции, считает революцию важнейшим историческим механизмом прогресса и духовного обновления общества. Неолиберальный подход всё меньше интересуется Февралём и всё большее внимание уделяет Октябрю, оправдывает Октябрь, а революционную теорию настойчиво отделяет от её трагической практики. Идея революции, подкрепляемая постмодернистской философией, крайне востребована неолиберальными течениями современной культуры и политики. Революция — это отрицание традиции и отрицание современности.

Второй набирающий силу подход — традиционалистский. Сегодня он лежит в основе официальной риторики российской власти, позиции Церкви и российского общественного сознания. Он опирается на собственный исторический опыт, а также укрепляется на фоне современной международной нестабильности и множественных локальных конфликтов, в детонации которых зачастую участвуют революционные механизмы.

Российские левые, идеологическим ядром которых является КПРФ, находятся в противоречивом состоянии. С одной стороны, они хотя и придерживаются традиционалистского взгляда на историю России как на единый и неделимый процесс, с другой — характеризуют Октябрьскую революцию как позитивное и неизбежное явление, начало новой эры в мировом масштабе. Это свидетельствует о том, что мировоззренческое ядро КПРФ (а вслед и всех российских левых) в будущем может расколоться на две части, на две «партии»: традиционалистов и «западных» левых. Левые традиционалисты будут отстаивать

идеи непрерывности российской истории, христианской этики, социальной справедливости, защищать советский патриотизм, но принципиально осуждать любые революционные методы в политике. Левые «западные» будут характеризовать революцию как благо, выступать за социальную справедливость и придерживаться неолиберальных ценностей в вопросах этики, религии, семьи.

Аналогичное разделение на традиционалистов и неолибералов наблюдается и в российском правом (либеральном) лагере. Но здесь линия раздела часто проходит не по идеологическому признаку, а по признаку принадлежности к власти (во власти — традиционалисты, в оппозиции — неолибералы).

Таким образом, столетие Русской революции и начавшиеся дискуссии помогают представить существующий спектр политических идеологий более контрастно и разделить его на сторонников и противников революции как морально оправданного способа политического действия, революции как образа мысли. На приверженцев неолиберализма и традиционализма.

Список литературы:

Бэдкок С. Февраль 1917-го. Нестоличная революция [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6423000/6423259.stm (дата обращения: 01.10.2017).

В Лондоне открылась выставка, посвящённая русской революции 1917 года [Электронный ресурс] // НТВ. 2017. Режим доступа: www.ntv.ru/novosti/1759018 (дата обращения: 01.10.2017).

Выступление Сергея Миронова на конференции «Октябрь 1917. Современное прочтение истории» [Электронный ресурс] // Справед-

ливая Россия. 2012. Режим доступа: www.spravedlivo.ru/5_45467.html (дата обращения: 01.10.2017).

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс] // Patriarchia.ru. Официальный сайт Московского Патриархата. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Интервью Председателю ЦК КПРФ Г. А. Зюганова агентству Синьхуа [Электронный ресурс] // КПРФ. 2016. Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/154154.html> (дата обращения: 01.10.2017).

Кагарлицкий Б. Революция 1917-го радикально изменила весь мир [Электронный ресурс] // Pravda.ru. 2013. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/society/07-11-2013/1181206-revolution-0> (дата обращения: 01.10.2017).

Политики рассказали, как будут отмечать столетие революции [Электронный ресурс] // Вести.Ru. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2828685> (дата обращения: 01.10.2017).

Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. 2016. Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53379 (дата обращения: 01.10.2017).

Революция как сплетение проектов [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 2007. Режим доступа: news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6422000/6422339.stm (дата обращения: 01.10.2017).

Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Родина. 2017. Специальный выпуск, февраль 2017.

Соловей В. Д. Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016.

Третьяков В. Т. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2017. Режим доступа: svpressa.ru/politic/article/165229 (дата обращения: 01.10.2017).

Козырев А. П. Революция и русская мысль // Тетради Русской экспертной школы: научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. М.: «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. 120 с.

Что такое «1917. Свободная история»? [Электронный ресурс] // 1917. Свободная история. Режим доступа: <https://project1917.ru/about> (дата обращения: 01.10.2017).

1917 — Russia's Red Year is inspiring in full colour a century on [Электронный ресурс] // Socialist Worker. 2016. Режим доступа: <https://socialistworker.co.uk/art/43725/1917+++Russias+Red+Year+is+inspiring+in+full+colour+a+century+on> (дата обращения: 01.10.2017).

Die Russische Revolution 1917 in der aktuellen Debatte [Электронный ресурс] // Rosa Luxemburg Stiftung. 2010. Режим доступа: <https://www.rosalux.de/publikation/id/47/die-russische-revolution-1917-in-der-aktuellen-debatte> (дата обращения: 01.10.2017).

Does Russia Belong to Europe? [Электронный ресурс] // Center on Global Interests. 2016. Режим доступа: globalinterests.org/2016/04/29/does-russia-belong-to-europe (дата обращения: 01.10.2017).

Khan L. The Russian Revolution of 1917: lasting the ravages of time [Электронный ресурс] // Daily Times. 2016. Режим доступа: dailytimes.com.pk/opinion/06-Nov-16/the-russian-revolution-of-1917-lasting-the-ravages-of-time (дата обращения: 01.10.2017).

Piontkovsky A. The Russian Spring Has Begun [Электронный ресурс] // Hudson Institute. 2011. Режим доступа: <http://hudson.org/research/8572-the-russian-spring-has-begun> (дата обращения: 01.10.2017).

Shevtsova L. The Next Russian Revolution [Электронный ресурс] // Carnegie Moscow Center. 2012. Режим доступа: carnegie.ru/2012/10/30/next-russian-revolution-pub-50211 (дата обращения: 01.10.2017).

Sotieva L. The legacy of the Russian revolution, 100 years on [Электронный ресурс] // Russia and beyond. 2017. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/larisa-sotieva/legacy-of-russian-revolution-100-years-on> (дата обращения: 01.10.2017).

Ullman H. The Third Russian Revolution [Электронный ресурс] // Atlantic Council. 2013. Режим доступа: www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/the-third-russian-revolution (дата обращения: 01.10.2017).

Woods A. What the Russian Revolution achieved and why it degenerated [Электронный ресурс] // In Defence of Marxism. 2017. Режим доступа: www.marxist.com/what-the-russian-revolution-achieved-and-why-it-degenerated.htm (дата обращения: 01.10.2017).

А. П. Козырев

заместитель декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
кандидат философских наук, доцент

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА. КАКОГО ЧЕЛОВЕКА ФОРМИРУЕТ СОВРЕМЕННОЕ «ГЛОБАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Думаю, никто не будет спорить с тем, что российская наука и образование сейчас переживают кризис. Причина этого кроется в отсутствии у них чётко обозначенной цели — представления о том, какого человека должна готовить современная система образования — человека с широкими представлениями о мире или человека-гражданина, человека-патриота, готового служить обществу и жертвовать своим временем, силами, здоровьем, а может быть, даже жизнью.

Можно вспомнить пример Александра Александровича Богданова (1873–1928), выдающегося учёного, который разрабатывал концепцию новой науки «тектологии» и стал директором первого в мире Института переливания крови, а в 1928 году ушёл из жизни в результате неудачного опыта по переливанию крови, поставленного им на самом себе. Это пример того, как учёный готов жертвовать собой ради научного открытия, ради научной истины. В данном случае не столь важно, каких политических взглядов и какого вероисповедания он придерживался, потому что мы сейчас говорим об учёном как о человеке, который не руководствуется собственными мелкоэгоистичными интересами, а стремится к благу всех людей, всего общества. Си-

стема образования вполне может иметь своей целью сформировать такого учёного. Но возможна и иная цель — подготовка человека как технического менеджера, обладающего определённой совокупностью компетенций, навыков, умений.

В основе нормативно-правовой базы российского образования лежит система ФГОСов — федеральных государственных образовательных стандартов. Этот документ содержит карту компетенций, показатели освоения которых распределяются по трём разделам — «знать», «уметь» и «владеть». То есть современный выпускник вуза — специалист, бакалавр, магистр — должен «знать» (обладать совокупностью определённых знаний), должен «уметь» (обладать некоторыми компетенциями) и «владеть» (обладать определёнными навыками). Таким образом формулируется компетентностный подход к образованию, где не знание является базовой единицей системы образования и не количество усвоенного материала, который студент может воспроизвести по итогам курса, а «компетенция» — способность реализовывать себя в сфере определённой общественно полезной профессиональной деятельности. Между прочим, в русском языке есть только слово «компетентность», а слово «компетенция» отсутствует, это не более чем новояз.

Существует документ, призванный классифицировать должности и профессии, — Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР). Однако в нём отражены не все профессии, например, там нет моей — «философ». В моём дипломе написано: «философ, преподаватель философии». Нет в ОКПДТР и множества других гуманитарных профессий. Возникает вопрос: «Можно ли иметь компетенции, не имея профессии?»

Обратимся к истории российского образования, чтобы понять, как опыт нашего прошлого можно применить к дню сегодняшнему. И конкретно — к Пушкину, который, как сказал Аполлон Григорьев, есть «наше всё». У Пушкина есть замечательные и глубокие в историософском отношении статьи, написанные в 1834–1836 годах, незадолго до его смерти. Эти статьи редко публикуются, о них мало говорят и нечасто цитируют. Одна из таких статей, не опубликованных при жизни Пушкина (потому что была запрещена цензурой), — статья «Александр Радищев», датированная 1836 годом. В ней Пушкин хотел привлечь внимание общества к автору «Путешествия из Петербурга в Москву», человеку, которого Николай Бердяев назвал «первым русским интеллигентом». В этом цельном и интереснейшем произведении Пушкин отражает свои наблюдения о Радищеве и о том типе образования, который господствовал в его эпоху — эпоху филантропического мистицизма и дворянской культуры, когда образование чаще получали не в университетах, а в домашнем кругу (хотя сам Радищев получал образование в том числе и в Лейпциге, куда был отправлен вместе с группой молодых людей). Пушкин пишет:

«В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналя; но всё в нескладном, искажённом виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приносившие ко всему, — вот что мы видим в Радищеве. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить?»

Он поносит власть господ как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру [«цензуру» — так у Пушкина — *прим. А. Козырева*]; не лучше ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар Божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы, а с другой — чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной?».

Заканчивает Пушкин следующими словами: «Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». Некоторые читатели могут предположить, что Пушкин критиковал Радищева только для того, чтобы цензура пропустила его статью, потому что в действительности он его очень любил и был с ним абсолютно во всём согласен (цензура, как известно, статью всё равно не пропустила). Однако, скорее всего, Пушкин в этой статье совершенно искренен и даёт Радищеву непредвзятую оценку. «Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему» — разве это не образ нашего современного образования, которое А. Солженицын в 1974 году в своём сборнике «Из-под глыб» назвал «образованщиной»? Солженицын приводит в сборнике цитату из словаря Даля, где лексикограф говорит, что образование — это придание внешнего лоска чему бы то ни было. И когда внешний лоск есть, а внутреннего содержания нет — это Солженицын и называет «образованщиной». «Образованщина» подразумевает множество знаний, которые, по Гераклиту, «уму не научают», но лишь

наполняют ум информацией, которую абсолютно невозможно применить.

Человек получает образование для того, чтобы жить по знаниям, по вере, по совести, в соответствии с целостностью своей человеческой личности. Цицерон говорил, что задача оратора — знать, что сказать, где сказать и как сказать. Можно перефразировать его слова и сказать, что задача образования — ответить на вопрос, что знать, где знать, как знать и для чего знать. Когда в человеке единство его личности соединяется с тем, что он достигает в результате образовательного процесса, с тем, что он получает как личностное знание (термин Майкла Полани¹), знания личностные, интегрированные, знания, с которыми он может жить, а не просто зарабатывать деньги и реализовывать какие-то компетенции, тогда мы имеем дело с подлинным образованием. Когда же приобретение знаний становится услугой, процессом придания внешнего лоска и обретения каких-то случайных компетенций, то назвать это образованием в подлинном смысле этого слова становится затруднительно.

Человек, получивший компетенции, не называется сегодня даже специалистом — его называют бакалавром или магистром. Это не специалист в чём-либо, это человек, «имеющий компетенции».

К какому стоматологу предпочёл бы пойти пациент: к специалисту или к наделённому компетенциями выпускнику медицинского вуза? Хотя даже сейчас в нашей стране готовят неплохих стоматологов, потому что в сфере медицины никаких

¹ Майкл Полани (англ. Michael Polanyi, 1891-1976) — английский физик, химик и философ. Известен своими исследованиями в сфере химической кинетики, кристаллических структур, философии науки. Автор концепции «личностного (или неявного, молчаливого) знания».

бакалавров и магистров нет. Медицинское образование не переведено на двухступенчатую сетку, предусмотренную Болонской системой, там пока ещё остаётся специалитет, как и у психологов в гуманитарной сфере. Но в целом отказ от специалитета — это одна из тенденций современного образования. «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», — говорит великий русский поэт. Сегодня «учиться понемногу чему-нибудь и как-нибудь» — один из основных принципов современного студента. Это становится ясно при рассмотрении той системы образования, которая у нас внедряется почти повсеместно. И есть опасность, что внедрение будет тотальным, особенно в сфере свободных искусств и наук.

Сегодня в Санкт-Петербургском университете открыт факультет свободных искусств и наук «liberal arts» (кстати, в РАНХиГС² существует факультет, который устроен на тех же идеологических принципах). Деканом этого факультета является Алексей Кудрин, в недавнем прошлом министр финансов России, человек, за которым стоит определённая политическая идеология. Но дело не столько в личности этого конкретного человека, сколько в том, какая программа лежит в основании системы образования, принятой в области свободных искусств и наук. Это программа американского Бард-колледжа³ (англ. Bard College). На сайте факультета свободных искусств и наук СПбГУ доступна для прочтения статья Джонатана Беккера, доктора политических наук Оксфордского университета, декана по

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Президентская академия) — высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой специалистов гуманитарной и социально-экономической направленности.

³ Бард-колледж (англ. Bard College) — частный гуманитарный колледж свободных искусств, расположенный в штате Нью-Йорк, США.

гражданским инициативам и международным связям, директора центра гражданских инициатив Бард-колледжа, члена Учёного совета Факультета свободных искусств и наук и члена Совета программы «Свободные искусства и науки» СПбГУ. Статья Беккера называется «Что такое образование по модели свободных искусств и науки... и чем оно не является»⁴. Беккер пишет:

«Современное образование по модели свободных искусств и наук представляет собой систему высшего образования, призванную воспитывать в учащихся желание и способность учиться, критически мыслить и умело выражать свои мысли, а также воспитывать граждан, способных стать активными участниками демократического общества. Такую систему отличает гибкий план обучения, совмещающий широту дисциплинарного охвата с глубиной изучения предмета, поощряющий междисциплинарность и предоставляющий студентам максимально возможную свободу выбора. Кроме того, модель реализуется через ориентированную на студента педагогику — интерактивную и вовлекающую учащихся в работу с текстами как в аудитории, так и за её пределами».

То есть важнейший принцип этой англосаксонской системы образования — знакомство с великими текстами. Студенту даётся, предположим, 100 текстов, и он должен эти тексты прочитать и благодаря этому приобрести определённые компетенции. Но человек, знакомый с преподавательской деятельностью, понимает, что это только теория и что факт прочтения текста ещё ничего не означает. Отослать студента в библиотеку в надежде на то, что он, прочитав какие-то тексты, потом придёт, сдаст экзамен и получит диплом — это значит просто провалить процесс обучения. Студент должен работать не с текстами,

⁴ http://artesliberales.spbu.ru/about/liberal/liberal_education

а с профессором, с преподавателем, с личностью, и если этого личного контакта не происходит или если профессор на кафедре заменяется роликами в интернете, образованием это назвать нельзя. Нельзя записать один эталонный курс великого профессора на видео и назвать его просмотр образованием. Потому что никакое дистанционное обучение на базе типа Coursera⁵ никоим образом не может заменить живое и личностное общение с педагогом. Точно так же, как не заменяет его прочтение книг.

«Мы будем работать с текстами», — говорят некоторые современные педагоги. Но надо не с текстами работать, а с душами людей, с человеческой личностью. Если студент прочитал текст, то он должен ещё пережить его, обсудить в аудитории. Само прочтение текста ещё ничего не даёт — я могу это ответственно говорить, как человек, 25 лет преподающий историю русской и мировой философии. Если студент первый раз в жизни прочитал Спинозу, он вынесет из этого текста 0,1% знаний. Польза от такого прочтения почти нулевая. Студенту нужно объяснить, что это за текст, показать его масштаб в масштабе личности философа, а масштаб личности философа в масштабе эпохи. Только тогда открывается значение текста.

Однако вернёмся к статье Беккера. Учебный план свободных искусств, говорит он, ассоциируется с литературой и гуманитарными науками. Но это не так — продолжает Беккер:

«Естественные науки и математика исторически являлись частью учебного плана “свободных искусств и наук” и тесно связаны с рядом самых значительных вызовов, стоящих се-

⁵ Coursera — проект онлайн-образования, основанный профессорами информатики Стэнфордского университета и реализующийся посредством сети Интернет.

годня перед гражданами общества, будь то распространение массовых заболеваний, голод или проблемы сохранения окружающей среды. Если студенты должны участвовать в решении важных проблем, стоящих перед современным обществом, то они должны быть достаточно подготовлены для понимания количественных методов в современных социальных науках и современных естественнонаучных теорий».

Такой гуманитарий должен знать и математику, и естественные науки, и вообще должен знать всё понемногу. Цель такого образования — свободная личность, свободный человек, которому ничего не навязывают и который сам выбирает предметы для изучения. Он может выбрать для изучения что-то из философии, что-то из лингвистики, что-то из социальной психологии, что-то из высшей математики. Но кем будет такой человек, какова будет его специальность на выходе?

Бакалавриат, согласно Болонской системе, минимизирует специализацию. В связи с этим многие университеты отказались от кафедр, потому что именно кафедра предполагает специализацию. Студент, поступающий на философский факультет, слушает общие курсы. Студент, поступающий на исторический факультет, тоже слушает общие курсы. Человек, выходящий из бакалавриата, — историк или философ — это не специалист, это историк или философ «вообще». Но хорошо, что здесь есть хотя бы общие специальности, потому что в «свободных искусствах» нет и этого. Предлагается сделать такое синтетическое образование, где студент, как некий импровизатор, сам сочиняет, кем ему быть в зависимости от прагматических жизненных целей. Может быть, он хочет «бороться с вызовами экологии, с голодом, с заболеваниями», а может, хочет быть менеджером, управленцем и тогда выбирает себе соответствующий курс. Очевидно, здесь предпо-

лагается, что студент, который впервые поступает в вуз, уже обладает определённым потенциалом знаний и имеет представление о том, что ему нужно для реализации личностной стратегии. Но почему-то у нас в стране эту модель свободных искусств и наук попытались распространить даже на среднюю школу.

У меня в руках номер журнала «Эксперт», где напечатана статья, интервью с профессором механико-математического факультета Юрием Нестеренко, главой учёного совета школы имени А. Н. Колмогорова⁶ (СУНЦ), учебного заведения, которое готовит будущую элиту точных наук. Четверо выпускников СУНЦ впоследствии стали академиками РАН, многие стали членами-корреспондентами. И вот глава учёного совета СУНЦ и заведующий кафедрой теории чисел мехмата МГУ Нестеренко говорит о трагедии в школьном математическом образовании. Оказывается, что российские ФГОСы по математике были построены в соответствии с описанной выше англосаксонской системой свободных искусств, и там практически отсутствует содержательная часть. Считается, что часть «С» в ЕГЭ должны решать только избранные, вундеркинды, которые потом пойдут на мехмат, а обычному школьнику достаточно получить 35 из 100 баллов на экзамене по математике. При поступлении в вуз от абитуриента требуют 42 балла по математике. Но что это за знание математики на 42 балла из 100? О качественном образовании при наличии таких требований говорить не приходится.

Личность формируется прежде всего на уровне средней школы, поэтому нет лучшего способа её сформировать,

⁶ Государственное образовательное учреждение Специализированный учебно-научный центр — факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, школа имени А. Н. Колмогорова (СУНЦ МГУ) — учебно-образовательное учреждение, обучающее школьников 10-х и 11-х классов.

чем изучение литературы и истории. И эти предметы должны преподаваться качественно, конечно, не путём начётнического изучения, а путём прочтения великих текстов русской литературы, обсуждения этих текстов, того, что лежит в их основании, потому что русская литература — это великая христианская литература. Весь XIX век даёт нам такой катехизис в виде русской литературы, которого больше нет ни в одной другой национальной культуре мира. И это не только моя точка зрения. Применительно к русской музыке один католический священник сказал, что нет лучшего катехизиса, чем «Борис Годунов» и «Хованщина» Модеста Мусоргского. А «Борис Годунов» Мусоргского написан на основе драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

Одна из мишеней, которую для себя избрали нынешние враги классического образования, — это курс обществознания. Сегодня мы стоим перед опасностью принятия решения о ликвидации обществознания в школе. Обществознание может быть заменено двумя смежными курсами: экономики и истории. Одни из наиболее востребованных гуманитарных факультетов в любом вузе — экономический и юридический. Но при этом экономика и юриспруденция — это наименее нагруженные в смысловом и аргументативном отношении специальности. Достаточно выучить нормы законодательства, гражданский кодекс, уголовный кодекс, и никакая этика и философия уже не нужны. Если мы придём к уничтожению обществознания, где ещё есть элементы философии, социологии, духовной жизни общества (а это существенный раздел, куда входят этика и религия), то это станет ещё одним шагом на пути мировоззренческой дезориентации наших школьников.

В высшей школе есть своя проверенная формирующая дисциплина — философия. Философия как дисциплина, даю-

щая пропедевтику культуры мышления, культуры аргументации, культуры гражданственности. Французы с их секулярной, вольтерьянской культурой очень хорошо понимают, что философию надо давать ещё в средней школе, и в последнем классе французской школы на философию отводится восемь часов в неделю. Они рассматривают философию как национальный бренд: «Мы, французы, нация Декарта, Паскаля, Вольтера». Философия — это французское наследие, и француз просто не может не знать философии, особенно своей национальной. Даже в технических классах (в последнем классе французской школы) философии учат семь часов в неделю. После такого школьного курса и в вузе философия не нужна, потому что азы философского мышления человек получает вместе со средним образованием. У нас же в России преподавание философии, в том числе в вузе, многим кажется чем-то избыточным и ненужным. Дошло до того, что на одних факультетах Московского университета отводится лишь 32 часа на её изучение, а другие факультеты пытаются сократить программу и до 16 часов — вместо 144 часов курса, который был раньше. Но едва ли такое сокращение приведёт к чему-то хорошему.

Нынешний министр образования О. Ю. Васильева стоит перед задачей пересмотра ФГОСов, которые были составлены при прежних министрах и которые были директивно установлены в качестве жёсткой нормы для среднего образования. Одно из первых распоряжений, которое сделала Васильева после назначения на свой пост, — освобождение от занимаемой должности ректора Московского педагогического университета (главного педагогического университета страны) математика Алексея Семёнова. Это было сделано не случайно: именно Семёнов был одним из главных идеологов внедрения в среднюю

школу программы свободных искусств и наук. В соответствии с этой программой следовало отказаться от звонков, оценок, классической раскладки учеников в классе. Чтобы школьники сидели за партами не рядами, а, например, кругом, или свободно ходили во время урока и разговаривали друг с другом, потому что заставлять школьников сидеть от звонка до звонка 45 минут и отвечать на вопросы учителя — это «деспотизм». Кстати, по принципу «свободных искусств и наук» работает средняя школа при Высшей школе экономики. В гуманитарных классах там нет уроков математики, истории, филологии, но есть изучение эпохи. Например, изучают Античность, и тогда философ рассказывает о Платоне, филолог читает Еврипида, историк искусства разбирает Поликлета. Конечно, такому подходу нельзя отказывать в новаторстве, но много ли пользы от такого образования? К счастью, министр посчитала, что от такой реформы средней школы надо отказаться.

Возможно, эта модель и работает в элитарном американском колледже, куда отдают своих детей люди, уже давшие им прекрасное предварительное образование, но она совершенно неэффективна в масштабах целой страны. Когда вместо того, чтобы учить студента на семинаре, преподаватель говорит ему: «тебе семинары и лекции не нужны, иди в библиотеку, прочитай 100 великих книг, а потом придёшь ко мне и сдашь свои компетенции», — то это не более чем профанация образования.

Впрочем, надо сказать, что именно такая модель «облегчённого образования» сегодня господствует в Европе. Моя коллега из университета Бордо (Франция) рассказывала, что однажды студенты провели своих «отсталых и косных» преподавателей сквозь строй (как это было с провинившимися солдатами в царской России) за то, что те требовали от студентов посещения

лекций. С точки зрения этих студентов лекция — архаичная форма обучения, и от неё следует отказаться. Сейчас высшее образование во Франции — это зачастую 2-3 консультации в семестр и тьюторство. Моя коллега с горечью рассказала об этом как о крахе французской системы образования. Другой профессор, уже из итальянского университета, рассказал мне о том, что в итальянском образовании ситуация не лучше. Преподаватели там уже не понимают, зачем они работают. Они, слависты, всю жизнь читавшие Лотмана, Аверинцева, занимавшиеся Набоковым, Бахтиным, Мандельштамом, обучавшие когда-то этому своих итальянских студентов, теперь три года учат их азам русского языка. Потому что в Италии сегодня на направление славистики поступают студенты, которые зачастую совсем не знают русского языка, но могут туда поступить, потому что баллы их выпускного диплома это позволяют. В итоге бакалавр-славист, получающий диплом, — это человек, который хоть как-то знает русский язык. Но никаких Мандельштама, Пастернака, Бродского, Набокова он уже не знает и, наверное, не узнает. Мой коллега из Бохума (Германия) рассказывал, что у них на факультете славистики числятся 1000 человек, но на занятия ходят только 150. Большинство людей записываются на факультет просто потому, что это даёт бесплатный проезд на общественном транспорте, почти бесплатное питание в университетской столовой и другие льготы. Учиться при этом необязательно. В течение года эти люди пользуются социальными льготами, и только когда они не переходят на следующий курс, их могут отчислить из университета.

Едва ли такая модель образования нужна нам в России. А между тем именно к ней мы идём, вступив в Болонский процесс. В МГУ пока ни на одной конференции мы не встретили ни одного выпускника факультета свободных искусств и наук СПбГУ,

который бы блеснул умом и поразил участников качеством своего доклада. На конференции в МГУ приезжают люди из Твери, из Ставропольского университета, из Кубанского университета, но не с факультета свободных искусств и наук. Модель образования, о которой мы сейчас говорим, стремится ориентировать обучающегося на цели производства (потому что компетенции — это орудийность, человек, получающий диплом университета, должен начать работать в какой-то общественно полезной сфере). Здесь уместно вспомнить лозунг 1920-х годов: «Школа — цех завода». Тогда считалось, что школа существует при заводе, что люди уже в школе должны начинать работать. И такой соблазн профессионально-технического образования был даже в позднесоветской школе. В 1980-е годы были так называемые УПК — системы учебно-производственных комбинатов, когда один день из учебной недели школьники проводили за каким-нибудь станком. Из них готовили, например, радиомонтажников, переплётчиков. То есть соблазн привязать школу к производству был всегда. Но в 1920-е годы очень быстро одумались и отказались от этой системы. Вернули систему гимназий. В гимназии поступали немногие (тогда считалось, что человек, закончивший семилетку, уже хорошо образован). Тем не менее из выпускников полной школы вышли выдающиеся учёные, которые снискали славу советской науке, создали ядерный щит Родины, открыли для человека дорогу в космос. Американский президент Джон Кеннеди после полёта Юрия Алексеевича Гагарина сказал: «Мы проиграли космос русским за школьной партией». То есть преимущество советской системы образования было признано и нашими оппонентами.

Я не призываю сейчас возвращаться к этой системе, потому что это, к сожалению, невозможно. Эта система разрушена, и мы сегодня стоим перед необходимостью создания новой си-

стемы образования. Очевидно, что нужно отталкиваться от того, что есть у нас на сегодняшний день, от системы монетизации образования. Система ЕГЭ — это реформа, которая была проведена одновременно с вхождением России в Болонский процесс. Сегодня не все помнят, что первоначально ЕГЭ выступал в тандеме с системой ГИФО — государственных именных финансовых обязательств. Эксперимент с ГИФО предполагал, что чем выше у студента балл по ЕГЭ, тем больше средств государство ему выделит на получение высшего образования. «Чемпионам по ЕГЭ» и золотым медалистам обещался тогда образовательный «кредит» на сумму 14800 рублей в год. При том, что уже тогда стоимость образования в «среднем» вузе составляла не менее 62-65 тысяч рублей в год, то есть «чемпиону по ЕГЭ» обещали оплатить лишь четверть среднерыночной стоимости образования. Естественно, эта система провалилась, даже не начав работать. Однако несмотря на провал ГИФО, система ЕГЭ в российском образовании продолжает использоваться, хотя и с некоторыми оговорками. Так, ведущие вузы стали проводить свои вступительные экзамены. В Московском университете они были всегда. Но если раньше при поступлении в МГУ абитуриенты сдавали по четыре вступительных экзамена, то теперь они сдают один экзамен и проходят через мощную систему олимпиад, которая даёт большие преимущества, в том числе приравнивая к 100 баллам по ЕГЭ хорошие результаты, показанные на олимпиаде «Ломоносов». Иными словами, ЕГЭ работает не в полную силу, и министр образования чётко говорит о том, что система вступительных экзаменов в вузах должна быть сохранена.

Ещё в 2003 году, когда мы входили в Болонский процесс, Владимир Михайлович Филиппов, бывший на тот момент министром образования, признавал несовершенство Болонского

процесса, говорил о том, что изменения, связанные с ним, не пойдут на пользу российской системе образования, но не вступать в этот процесс Россия не может. То есть в этом была не образовательная, а идеологическая необходимость, связанная с проводимым у нас курсом на интеграцию в европейские и мировые организации и институты, такие как ВТО.

Болонская система не обязательно должна мыслиться как система глобального образования, потому что она возникла именно как система европейского образования, и её политической задачей была конкуренция европейской и американской образовательных моделей. Болонская система включает в себя 40 европейских государств, в числе которых и страны с так называемой переходной экономикой. Россия вступила в Болонскую систему в 2003 году. Истоки Болонской системы можно искать ещё в конце 1980-х. В 1988 году была принята хартия европейских университетов, в которой были прописаны принципы единой интегративной системы образования для стран Западной Европы. Здесь можно провести параллель с появлением евро — единой европейской валюты. Можно задать вопрос: возник ли евро как орудие конкуренции двух экономических систем — европейской и американской — или как инструмент глобализации? Полагаю, что однозначного ответа на этот вопрос не существует. Так же и Болонская система: с одной стороны — это сугубо европейская система, а с другой — быть может, сам проект единой Европы следует рассматривать как один из вариантов глобализации, потому что он предполагает отказ от национальной, политической идентичности. Ведь известно, что в Европе фактически нет национальных армий. Например, армия Франции не управляется французскими генералами, она управляется из Брюсселя, из НАТО. И Болонская система — это

часть того же самого глобального проекта, который интерпретируется как проект якобы европейский. А России постоянно говорят, что она тоже часть Европы.

Как-то в Московский университет приезжал тогдашний посол Франции. «Я за единую Европу от Ла-Манша до Владивостока», — говорил он. Конечно, нам очень лестно слышать о том, что мы тоже часть единой Европы, и не только до Урала. Но если огромная часть Азии оказывается «Европой» — разве это не абсурд? Значит, Европа здесь — это не географическое понятие, Европа — это что-то другое, это какое-то «царство Божье (или же царство Разума — кому как угодно!) на земле». И конечно, слушая эти лестные слова, мы считали, что нам тоже необходимо стать частью единого общечеловеческого центра.

В то же время ещё до появления Болонского процесса у нас в стране вошла в моду риторика общечеловеческих ценностей. Риторика — очень важная вещь. С одной стороны — она поверхностна, но с другой — эстетическое всегда выражает существенное, и слова никогда не бывают просто словами. Когда Горбачёв начал говорить о новом мышлении, у нас началось новое мышление — именно мышление, а не мышлѐние. Тогда же мы начали говорить и об общечеловеческих ценностях. Идеологом этих общечеловеческих ценностей тогда был Яковлев. Мы думали, что общечеловеческие ценности — это что-то хорошее, это ценности, которые отсылают нас и к Будде, и к Моисею, и к Конфуцию, и к синтезу всех религий. О чём-то подобном в XVIII веке говорили масоны. Достаточно почитать «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, там тоже есть гимн общечеловеческим ценностям. «Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ты един повсюду», — писал

Радищев. И эти «общечеловеческие» ценности завели нас достаточно далеко — туда, где мы стали смело сдавать позицию за позицией. Сначала в высшем образовании, потом в среднем. Я уже рассказал о ФГОСе по математике для средней школы, который едва не был принят и который предполагал отмену уроков, оценок, звонков. Следуя этой логике, можно было прийти к выводу, что детей вообще учить не надо, пусть лучше они воспитываются «как птицы небесные».

Патриарх Кирилл не случайно с определённого момента стал использовать понятие традиционных ценностей. Я не большой поклонник этого термина, но я понимаю Патриарха как мыслителя и философа, который использовал это как некую контрмеру, как некий иррелевантный ответ риторике общечеловеческих ценностей. Если говорить прямо, то риторика общечеловеческих ценностей сначала разрушала нашу государственную и политическую системы, а потом успешно продолжила свою деструктивную деятельность в образовании и иных сферах. Умело или неумело, но мы сегодня пытаемся, основываясь на этой риторике традиционных ценностей, изменять наше школьное образование, вводить такие дисциплины, как ОРКСЭ — основы религиозной культуры и светской этики. С той же целью вводится дисциплина теологии в высшей школе. Мы можем долго дискутировать относительно того, как должно строиться теологическое образование, но, по моему мнению, теология сегодня вводится именно как некая идеологическая доминанта в высшем образовании, которая призвана противодействовать дискурсу общечеловеческих ценностей. Потому что образование — это поле битвы за сердца людей, и на этом поле есть не только союзники, не только друзья, но и враги, об этом нельзя забывать.

В 2014 году после воссоединения с Крымом Россия оказалась в новой политической реальности, в ситуации, когда мы должны опираться, прежде всего, на свои собственные силы, а не на международные договоры и сотрудничество. Но рельсы системы образования ведут нас в другом направлении. Так, сегодня по-прежнему можно услышать разговоры об академической мобильности как об одной из главных составляющих Болонского процесса. Однако даже развитые страны могут вовлечь в эту систему академической мобильности не более 30% своих студентов. У нас же в России нет ни грантов, ни внятной системы взаимозачётов кредит-часов, ни правовой базы для двойных дипломов. Мы продолжаем говорить об академической мобильности, о том, что Россия является частью европейского образовательного пространства только потому, что образование не представляет для нас уникальную и передаваемую от человека к человеку способность научиться быть человеком, личностью, тем, кто стремится походить на своего учителя. Человек может быть учеником Юрия Лотмана или Сергея Аверинцева (например, я считаю себя учеником Аверинцева, потому что два раза сдавал ему зачёты, три раза ездил с Сергеем Сергеевичем в Рим, выступал вместе с ним на конференциях) или же может иметь свободно конвертируемый европейский диплом бакалавра философии какого-нибудь вуза. Конвертируемый диплом — это, конечно, хорошо, но то, что человек действительно учился у выдающегося мастера, вызывает к нему, пожалуй, больший интерес. Конечно, не факт, что ученик сам стал мастером. Наверное, далеко не все ученики Страдивари делали столь же изумительные скрипки, какие делал он сам. Но всё-таки имя Страдивари звучит как некий эталон, а вот «диплом европейского образца» — это что-то до крайности неопределённое.

Я приведу в качестве иллюстрации своим словам ещё один исторический документ. Это речь профессора Памфила Даниловича Юркевича, произнесённая им на торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1866 года. Называется она «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта». Юркевич был учителем философа Владимира Соловьёва, он переехал в Москву из Киева, когда в 1862 году в Московском университете вновь открыли кафедру философии⁷. В своей речи Юркевич говорит об административной реформе образования в России:⁸

«Задача науки определилась сознанием возможности приобретать общегодные сведения и невозможности познать истину. И если основание университетов было обусловлено тем сосредоточенным направлением наук, которое происходило из живого убеждения в единстве общей для всех их метафизической истины, то едва ли будет необоснованно утверждать, что наше время не так благоприятно для развития и процветания университетов. Политехническая школа со своим многознанием, обусловленным нуждами лица и народа, с богатством сведений без высшего принципа, не имеющая ничего чарующего для идеальной личности человеческой, эта школа общеполез-

⁷ В 1850 году по рескрипту министра Ширинского-Шихматова все кафедры философии в стране были закрыты. В историю вошла фраза министра о том, что «польза от философии сомнительна, а вред очевиден». После издания рескрипта философия не преподавалась в России более 10 лет.

⁸ В середине XIX века существовали два типа гимназий — классические и реальные. Классические гимназии были ориентированы на филологические науки, в них изучали Античность и классические языки, тогда как в реальных гимназиях преподавались точные, технические науки. В 1867 году реальные гимназии были упразднены, а вместо них ввели реальные училища. Реальные училища — это прямые аналоги современных колледжей или советских профессиональных технических училищ. Реальные училища давали упрощённый вариант образования.

ных познаний так же характеризует наше время, для которого знание есть сила, как университет характеризует не столько практический, но более благородный дух той эпохи, которая разделяла вместе с Платоном убеждение, что знание есть добродетель. И не совершается ли, милостивые государи и государины, на наших глазах медленное превращение университетов в политехнические школы? Не разрушает ли дух времени глубокую идею знания, которая требует, чтобы специальная учёность росла и крепла на широкой основе общего или целостного умственного образования и чтобы каждое приобретение на почве специальной было вместе приращение в содержании идеала человеческой личности?..»⁹.

Эти слова, произнесённые в 1866 году, и сегодня звучат актуально. Не происходит ли и сегодня превращение университетов в политехнические школы, не становится ли образование приданием человеку некоего набора специализированных качеств (в некоторых случаях даже не очень специализированных, потому что свободные искусства и науки — это как раз уход от специализации, это в своём роде «свободное времяпрепровождение» в университете). Сейчас мы всё реже задумываемся о том, какую личность формирует университет. А настоящий университет должен формировать личность универсальную, такую же, как и само это слово, происходящее от латинского «universitas» — совокупность, общность. Университет — это место, где должно быть «всё», тривиум и квадривиум: грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Здесь должно быть представление о всеобщем и представление о частном. Сегодня очень многие вузы в России называются университетами, но если в вузе нет физического и механико-

⁹ <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/projects/item/243>.

математического факультетов, то, по моему мнению, это уже не университет. Если в вузе нет биологического факультета, если он не изучает внутреннее устройство человека, не мечтает разгадать геном до конца, не изучает человеческую природу во всей её сложности и полноте, это тоже не университет, а какое-то другое учебное заведение. Университет — это то, что даёт универсальные знания, это слово, близкое латинскому слову «universum» (универсум, вселенная). Универсум — это и «опрокинутое единство», единство, ставшее множеством, множеством различных наук. Но это множество помнит о своем единстве, о том едином корне, из которого оно произрастает. И, конечно, университет и наука должны помнить об истине, о том, что истина для учёного — это в своём роде святыня, и она не может быть подменена конъюнктурой экономических потребностей.

Сейчас часто говорят о необходимости прагматичного подхода к образованию, о том, что надо вкладываться в то, что даёт результат. Однако в последнее время результативность научных исследований стала приравниваться к индексам цитирования в системах Scopus и Web of Science. При этом для индекса научного цитирования совершенно не важно содержание цитируемой статьи, важен лишь сам факт цитирования. Во многих российских вузах система материального стимулирования преподавателей жёстко привязана к их уровню цитирования. В Московском университете такая система пока не приобрела всеобъемлющего значения, но получение гранта от Российского научного фонда (РНФ) или вхождение в диссертационный совет фактически невозможно, если у кандидатов нет определённого количества высокорейтинговых публикаций в мировых наукометрических базах. А в Санкт-Петербургском университете преподавателей уже увольняют, если у них нет определённого чис-

ла публикаций в высокорейтинговых журналах. В то же время если все преподаватели в России устремятся к выполнению на-вязанных им наукометрических норм, то страшно представить, во сколько раз возрастёт количество плагиата и бессмысленных научных статей.

Я хочу верить в то, что какие-то осмысленные изменения в системе образования произойдут уже в ближайшее время. Меня радует, что сейчас говорят о необходимости возвращения к аспирантуре, которая занимается наукой, необходимости уйти от представления о том, что аспирантура — это «третий уровень обучения», цель которого — выдать учащемуся диплом. Нигде в Европе, кроме России, Болонская система не обязывает аспирантов набирать 180 кредит-часов. Например, в Германии кредит-часы существуют только на уровне бакалавра, в аспирантуре ничего подобного нет. В России же посчитали, что если есть три уровня обучения, значит, они должны быть единообразны, и на третьем уровне обучения тоже должны быть кредит-часы. Но даже если бы у нас была развита академическая мобильность (её у нас, как известно, нет), обучаясь в Германии, аспирант эти кредит-часы не получил бы, потому что их там просто нет.

Мне кажется разумной мысль о том, что следует значительно сократить количество аспирантов, улучшить их материальный достаток, чтобы они имели возможность не искать дополнительные заработки, а заниматься наукой. Правда, один знакомый профессор недавно сказал мне, вглядываясь в информационный стенд аспирантуры: «В аспирантуру что ли поступить? Министр сказал, что 45 000 будут платить, а я столько не получаю». Бывают и другие ситуации. Так, в Казанском федеральном университете многие профессора поступают в магистратуру и обучаются в магистратуре, чтобы их не уволили

с работы. Потому что если профессор имеет степень доктора философских наук и является известнейшим специалистом в своей области, но диплом получил по другой специальности, его могут запросто уволить, ведь он не работает по специальности так, как того требует министерство образования. И доктор философских наук поступает в магистратуру по философии и «учится у самого себя». То есть система образования буквально выворачивает себя наизнанку, потому что в ней господствуют не авторитет, не знания, не количество учеников — кандидатов наук, которых подготовил профессор, а формальные компетенции, которые непонятно кем и непонятно в каком состоянии духа прописаны.

Система образования в российских университетах исторически формировалась по немецкому образцу. Сейчас же её пытаются перекроить на англосаксонский манер, забывая, что основы русского образования были заложены ещё при Петре I, с учреждением Санкт-Петербургской академии наук в 1724 году. В основе самого слова «образование» лежит понятие образа. Можно сказать, что процесс образования перекликается с христианской идеей образа Божьего в человеке. «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», — говорил герой романа Тургенева «Отцы и дети». Питирим Александрович Сорокин¹⁰ резонировал ему в своей речи 1922 года, приуроченной к 103-летию Петроградского университета. «Мир не только мастерская, но и величайший храм, где всякое существо и прежде всего всякий человек — луч божественного, неприкосновенная святыня», — говорил Сорокин и указывал на важность «рели-

¹⁰ Сорокин Питирим Александрович (1889-1968) — русский и американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

гиозного отношения к жизни». Но что такое религиозное отношение к жизни? Ходить по воскресеньям в церковь, исповедоваться, читать утреннее и вечернее правило? Да, это, безусловно, важно для верующего человека, но может ли в таком случае неверующий человек обладать религиозным отношением к жизни? Наверное, человек, который рассматривает свой труд как служение, а ближних не как материал для собственного процветания, а как других значимых, которым он дарит себя, свой труд и плоды своего труда, — такой человек отличается религиозным отношением к жизни. Замечательный русский дирижёр и создатель Московского театра «Новая опера» Евгений Колобов как-то в одном из своих интервью говорил: «Вы спрашиваете, по каким принципам я живу? Встал, помолился и делай свое дело». Это и есть религиозное отношение к жизни, характеризующее достойного человека, человека-гражданина, который стремится служить обществу и другим людям. Такой тип человека противоположен человеку компетенций. Человек компетенций работает только ради денег, у него нет этических принципов и его хозяин — тот, кто больше платит. Человек с религиозным отношением к жизни не оказывает услуг, но служит — Родине, Богу, себе. И сейчас модель высшего образования в России находится на распутье: какому из этих двух типов людей отдать предпочтение.

О. А. Матвейчев

профессор НИУ ВШЭ, политолог, политический технолог и консультант,
кандидат философских наук

РЕВОЛЮЦИЯ ПОД КЛЮЧ. КТО ЗАКАЗЫВАЕТ И КАК ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В 1990-е годы, после окончания философского факультета Уральского государственного университета, ещё будучи аспирантом, я начал работать в качестве политтехнолога, заниматься выборами разных уровней. Часто, когда я приезжал в какой-либо город и проводил социологическое исследование, обнаруживалось, что больше половины населения отрицательно настроены по отношению к действующему мэру. Однако уже через месяц работы команды политтехнологов (в числе которых был и я) более 60% избирателей были готовы проголосовать «за» действующего мэра. Бывали и иные ситуации, когда по итогам проведённого опроса выяснялось, что некоего человека, претендующего на административный пост, почти никто не знает, и только 10% респондентов что-то про него слышали. После двух месяцев политтехнологической работы по популяризации этого кандидата за него тоже голосовали 60-70% избирателей. Когда занимаешься такой PR-деятельностью и понимаешь, как это работает, разговоры о том, что народ сам захотел и кого-то избрал, сам вышел на площадь и устроил революцию, кажутся совершенной нелепостью.

Некоторые украинцы любят рассказывать о том, что они «устроили революцию», потому что «устали терпеть коррупцию»

Януковича и его окружения» и потому что «избрали европейский путь развития». Когда на Украине произошёл государственный переворот, политический рейтинг Януковича колебался в диапазоне 20-30%. Его поддерживало население Крыма и юго-востока Украины, да и в Киеве у него было довольно много сторонников. Рейтинг Порошенко сейчас приблизительно на 10-15% ниже, чем у Януковича во время майдана, а уровень коррупции в нынешней Украине — ещё выше, чем при Януковиче. Гривна обесценилась, уровень жизни населения заметно снизился. Но почему-то при Януковиче люди «не могли терпеть», а сейчас — могут. Можно вспомнить и пример президента Ющенко, который уходил со своего поста, имея рейтинг порядка 3%. При том что первый майдан 2004-2005 годов, также направленный против Януковича, проходил в условиях, когда последнего поддерживало 50% населения страны. То есть, к Ющенко к концу его президентского срока относились намного хуже, чем к Януковичу, но почему-то за все четыре года «правления» Ющенко никто на майдан так и не вышел. Принято считать, что революция происходит, если власть в чём-то недоработала, что-то сделала не так и от этого люди стали хуже жить — тогда они собираются вместе и свержают эту власть. Но это не более чем красивая картинка, которую организаторы революций пытаются нам преподнести в качестве истины и которая внешне кажется совершенно логичной и понятной.

Коммунистическая идеология в течение 70 лет преподносила теорию революции таким же образом. За основу была взята марксистская модель с её пресловутыми «базисом и надстройкой». Базис определяет надстройку, экономика — это базис, она определяет сознание и то, какие общественные проблемы возникают в результате классовой борьбы, ошибок правительства, экономических циклов, смены парадигм. Общественные проблемы

приводят к народному возмущению, создаётся революционная ситуация, в результате чего происходит смена «надстройки».

Когда я был молодым аспирантом, мне в руки попала брошюрка «Результаты муниципальных выборов в Свердловской области». В ней были представлены результаты выборов, проведённых примерно в 60 муниципалитетах, и давалась информация о том, в каких муниципалитетах в результате выборов поменялись главы, а в каких руководителям удалось переизбраться на новый срок. Кроме того, в брошюре были данные о том, какое место тот или иной муниципалитет занимал в экономической системе Свердловской области — насколько он экономически развит, есть ли в его развитии положительная динамика. К моему удивлению, отношение «базиса и надстройки» оказалось абсолютно противоположно тому, что описывалось в марксистской теории. В наиболее экономически развитых, наиболее динамично развивающихся муниципалитетах власть поменялась, а в депрессивных, напротив, власть осталась прежней. Это говорит о том, что власть в развитых муниципалитетах менял не народ, а люди или финансово-промышленные группы, заинтересованные в этой смене. Если от главы муниципалитета что-то зависело, если в муниципальном районе был серьёзный рынок, средства массовой информации, которые могли влиять на общественное мнение, то конкуренция за власть оказывалась высокой. В слабо развитых муниципалитетах, там, где население жило в худших условиях, борьба за власть оказалась мало кому интересной.

Подобные процессы происходят и в региональном, и в мировом масштабах. В мире порядка 170 стран, население которых в среднем живёт в худших условиях, чем в России. И в большинстве из них настрой граждан далёк от революционного. В России же принято считать, что если мы станем жить ещё хоть

немного хуже, то сразу последует революция. В мире около 150 стран, чьё население жило и живёт хуже, чем население Украины, но переворот произошёл именно на Украине. Лучшей прививкой от революционной болезни для нас было бы провести несколько дней где-нибудь в Индии или — ещё лучше — в Центральной Африке и посмотреть, в каких условиях там живут люди. В сущности, по своему уровню потребления Россия входит в золотой миллиард, и политическому руководству нашей страны приходится за это серьёзно бороться. Но у молодёжи всё равно «мозги кипят», кажется, что ещё вот-вот — и уже завтра революция.

Очевидно, что все разговоры о том, что революция — это какой-то неизбежный «рок» или «функция экономики» и что народ совершает революцию «по объективным причинам», — не более чем досужие домыслы. Хотя надо признать, что если бы я сам не занимался агитацией, не менял рейтинг политиков с отрицательного на положительный и с положительного на отрицательный и не знал, как всё это работает, то, быть может, и сам верил бы в «неизбежность революционного процесса». В действительности революция — это организованный процесс информационной войны, в котором задействованы заинтересованные люди, идеология, серьёзные финансы. И надо сказать, что смена идеологии некоторого количества людей — весьма затратное мероприятие.

У революции есть несколько важных черт. Во-первых, у неё всегда есть цель или несколько целей (даже если эти цели не очевидны для большинства участников революции). Во-вторых, у революции есть своя группа вдохновителей. Так, если говорить о Февральской революции 1917 года, её главным двигателем было московское купечество, которое имело близкие контакты и финансовые отношения с западноевропейскими

«ротшильдами и нобелями». «Ротшильды и нобели» имели свои геополитические цели, их задачей было ослабление и разрушение Российской империи. Кроме того, они вели свою игру на «великой шахматной доске», сталкивая между собой различные государства. Очевидно, что если бы московское купечество мыслило геополитически, его представители, конечно, не стали бы играть против своей страны. Они действовали не вполне сознавая последствия своих поступков. С одной стороны, ими двигала ненависть к государству, поскольку многие купцы были старообрядцами, а государство старообрядцев длительное время притесняло. С другой стороны, они хотели власти — чтобы не царь назначал министров, а Государственная Дума. На Государственную Думу им, конечно, было бы нетрудно повлиять, «купив» себе карманных депутатов, а через них — карманных министров. Какое-то время всё шло по плану, но затем революционные процессы вышли из-под контроля. Ни Рябушинский¹, ни Гучков² и в страшном сне не могли себе представить, что революция снесёт царя. Они были не против царя, они лишь хотели влиять на принятие политических решений, назначать министров. Но реальность оказалась иной — они действовали подобно Раскольникову, который хотел убить одну женщину, но попутно убил и вторую. В ходе революций очень часто возникают непредвиденные обстоятельства, которых никто не ожидал, и результаты, к которым никто не стремился.

Важный момент в ходе любой революции — это идеология. Обычно выделяют три базовые идеологии: консерватизм,

¹ Рябушинский Павел Павлович (1871-1924) — предприниматель, банкир, старообрядец, представитель промышленной династии Рябушинских.

² Гучков Александр Иванович (1862-1936) — лидер политической партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной думы (1910-1911), военный и морской министр Временного правительства (1917).

либерализм, социализм (а также их разновидности). У каждой из этих идеологий есть радикальные формы, которые, как правило, и говорят своё слово во время революций (консерватизм тоже может быть революционным). Революционный пафос либерализма — в яростной защите прав и свобод, которые государство может попирать (права человека, право на свободу слова, право на собрание, на человеческое отношение в тюрьмах). Либералы, по крайней мере в нашей стране, всегда были довольно малочисленны. Даже в революционных событиях, сопровождавших крушение Советского Союза, когда общественное влияние либералов чрезвычайно усилилось, главной идеей, которая вдохновляла абсолютное большинство людей, была не смена государственного строя, а так называемая борьба с привилегиями. Люди остро реагировали на проявления социального расслоения в советском обществе. Критикуя именно это положение вещей, получил популярность Борис Ельцин. Но результат оказался иной, нежели тот, которого ждало большинство советских граждан, — «отмены привилегий» они не получили, а вот Советский Союз был разрушен. Подобным же образом проходили и все революции на постсоветском пространстве — в Киргизии, Молдавии, на Украине. На обоих украинских майданах люди выступали против «золотого батона Януковича», против «золотого унитаза», против коррупции, и лишь малая часть ратовала за либеральные ценности. Иными словами, на постсоветском пространстве социалистический пафос, стремление людей к справедливости всегда были и остаются главным мотивом протестных настроений.

Тема неравномерного потребления не нова — она широко использовалась ещё во время Великой французской революции. В современной России она обычно приобретает форму борьбы с коррупцией. Тема коррупции в каком-то смысле явля-

ется модернизированным вариантом марксистской идеологии. Сейчас у нас не натравливают людей на всех богатых: на крупных собственников, предпринимателей, олигархов. Под удар попадают главным образом государственные чиновники, потому что от присутствия в риторике слова «государство» зависит успех революции. То есть тема государственной коррупции педалируется не просто так и вовсе не потому, что она объективно является самой важной для нашего общества. Среди всех государственных чиновников, наверное, не более 0,01% занимаются распределением финансовых потоков, и, может быть, около 0,01% бизнеса имеет с ними дело. То есть 99% людей с государственной коррупцией лично не сталкивались и сталкиваться не могли, но тема эта всё равно у всех на слуху. Все знают и пересказывают друг другу истории про откаты и распилы так, словно сами были их свидетелями. Конечно, в раскручивании этой темы есть заинтересованные лица, заинтересованные организации. Например, эта тема всегда активно поднималась такими СМИ, как «Эхо Москвы» или «Радио Свободы». Их задача заключается в том, чтобы настраивать народ против власти, против государства, говорить о страшной коррупции в России, печатать фальшивые рейтинги о том, что наша страна находится на 188-м месте по коррупции в мире.

В 2008 году Дмитрий Медведев стал президентом России и решил использовать «коррупционный дискурс» в своих интересах, чтобы заработать на нём дешёвую популярность. По всей видимости, план Медведева заключался в том, чтобы получить политические очки, которые потом можно было бы предъявить Владимиру Путину в качестве результата своей работы и которые должны были положительно сказаться на возможности Дмитрия Медведева переизбраться на второй президентский срок. Поэтому команда Дмитрия Медведева откровенно ис-

пользовала публичную активность Алексея Навального, рост популярности которого пришёлся как раз на президентский срок Медведева. Символично, что Дмитрий Медведев, человек, который дал старт кампании по борьбе с коррупцией, впоследствии сам был объявлен Алексеем Навальным символом коррупции. Начиная с 2008 года тема коррупции не сходила с экранов телевизоров. В результате огромная масса людей поверила в то, что у нас в стране действительно какая-то страшная ситуация с коррупцией. Но даже если бы в России коррупция действительно была все рекорды (хотя в сравнении с другими странами мира наша страна далеко не самая коррупционная), в этом не было бы ничего страшного.

Сейчас председатель КНР Си Цзиньпин тоже борется с коррупцией в своей стране. Под флагом этой борьбы там идёт беспощадная внутривластная борьба. Уничтожаются конкурирующие политические кланы. В настоящий момент порядка 10% китайских чиновников находятся под следствием. И это те люди, которые на протяжении последних десятилетий обеспечивали Китаю одни из самых высоких темпов роста ВВП в мире. В эти годы в стране действительно была страшная коррупция, и я лично видел, как там живут чиновники — так, как нашим чиновникам и не снилось. Тем не менее китайская экономика все эти годы оставалась самой быстроразвивающейся экономикой в мире. В то же время, например, в Северной Корее коррупции нет вообще. Во-первых, потому что там просто некому давать взятки — нет бизнеса, нет бизнесменов, а во-вторых, потому что там очень жёсткий контроль за всей экономической деятельностью. Но разве это помогло Северной Корее в деле её экономического развития? И такие примеры не единичны, их множество. Они показывают, что если экономический рост как-то и связан с корруп-

цией, то совсем не так, как принято думать. Там, где начинается борьба с коррупцией, экономический рост, как правило, замедляется. Рассмотрение причин этого явления — тема для отдельной статьи. Вопрос в том, что публичное обсуждение этой темы радикализует общество и вызывает протестные настроения.

Третье направление идеологического спектра, которое также может играть свою роль в революционном движении, — консервативное. В данном случае речь идёт о радикальных формах консерватизма, к которым можно отнести религиозный и националистический фундаментализм. Приверженцы этих идеологий способны жертвовать собой во имя специфически понятых ими интересов народа или во имя веры и могут выступать в качестве боевого крыла революционного движения. Стоит особо отметить, что в мире множество людей, приверженных консервативным, левым или либеральным убеждениям, но погибать ради этих убеждений или даже просто выходить протестовать готовы не многие. Поэтому для архитекторов революции очень важно подвести людей к такому крайнему состоянию. Для этого все идеологии преподносятся в их радикальном варианте; утверждается, что мягко реформировать существующую государственную систему невозможно, и вся она должна пойти под снос. Утверждается, что власть враждебна обществу, и замена одного или нескольких человек в политическом руководстве всё равно ничего не решит. При этом постулируется, что существующая политическая система связана с одним человеком, держится на нём. Таким образом, этот человек предстаёт в роли своеобразного козла отпущения. На первый взгляд это весьма противоречивая концепция, но у неё есть своя внутренняя логика.

Во время Русской революции 1917 года роль козла отпущения была отведена Григорию Распутину. Для либеральной

прессе того времени он был главным героем самых скандальных статей. Причём, как рассказывают современные историки, многие статьи основывались на байках и легендах. А некоторые «пьянки и гулянки» Распутина и вовсе носили постановочный характер. Случалось так, что это не Распутин учинял дебош в том или ином кабаке, а какой-то человек, на него похожий, но пресса всё равно писала об этом как о новом бесчинстве любимца Государя. После убийства Распутина главной мишенью либеральной прессы стал сам император.

Во время второго украинского майдана главным злодеем и козлом отпущения был выставлен Виктор Янукович. Считалось, что это Янукович — причина всех бед, и достаточно лишь убрать его, чтобы государственная система заработала как надо. При этом обращает на себя внимание тот факт, что представители всех трёх идеологических групп видели реализацию модели идеального общества на Украине безо всяких противоречий. Либералы считали, что, убрав Януковича, они получат европейскую демократию, соблюдение права человека, ассоциацию с Евросоюзом с перспективой скорого присоединения к нему. Люди левых убеждений полагали, что без Януковича удастся отобрать у олигархов всё, что они нажили, что в обществе будет равенство, будет большой средний класс, а чиновники больше не будут воровать. Как это согласуется с идеалом либералов? В действительности — никак, возможно либо одно, либо другое. Но были на майдане и люди, придерживавшиеся иных взглядов, которые, убрав Януковича, мечтали построить абсолютно бандеровский фашистский режим — «если кто заговорит по-русски — его будем сразу убивать или сажать в тюрьму». Это тоже не имеет никакого отношения ни к европейской демократии, ни к социализму, которые предполагают мирное

существование носителей разных языков и культур. Тем не менее каждая из перечисленных групп была настроена на то, что их идеал воплотится в жизнь, и считала, что главное — свалить Януковича, который мешает изменениям.

Назначать кого-либо козлом отпущения очень важно. Это должен быть либо человек, приближенный к первому лицу государства, как в случае с Распутиным, либо само первое лицо государства. Конечно, в конституциях обычно говорится, что это народ является единственным носителем суверенитета, но в мире есть множество народов, которые не обладают государственностью, и в действительности суверенитет и вся пирамида государства обычно держатся на одном человеке, который и является фактическим носителем этого самого суверенитета. Он может называться как угодно — монархом, премьер-министром, президентом или председателем, но именно он является тем, кто делает закон законом. Именно его подпись придаёт вес документу, на котором она поставлена, создавая огромную разницу между двумя одинаковыми указами. Его подпись утверждает закон, по которому потом не один год будет жить целый регион или страна. Государство устроено таким образом, что оно всегда стоит на одном человеке как на некоем краеугольном камне и не может без него существовать. И если такой человек внезапно будет выбит из государственного механизма, то могут возникнуть совершенно непредсказуемые последствия, как это случилось на Украине, где в результате государственного переворота развернулась гражданская война. Многие думали, что Януковича можно совершенно безболезненно взять и заменить на другого человека. Так же, наверное, рассуждали люди, желавшие отречения Николая II. Думали, что придёт новый царь, но глобальных изменений не будет. Но новый царь не пришёл,

пришло Временное правительство, потом Учредительное собрание, а потом стало разрушаться уже само государство, что привело к гражданской войне и многочисленным жертвам. Печальные события последовали и за распадом Советского Союза, а самыми последними примерами можно считать революции в Ираке, Ливии, Сирии. Эту закономерность прекрасно знали организаторы всех революций. Первый шаг — сделать из первого лица козла отпущения. А дальше технология заключается в том, чтобы постепенно раскачивать общество.

В России и на Украине менталитет таков, что люди требуют от власти решений, которые произведут немедленный эффект. Такой же стиль мышления присущ и многим чиновникам. Почему многие ответственные лица, наблюдая в течение последних 20 лет за тем, что происходит на Украине, не попытались использовать нашу мягкую силу, чтобы не допустить там государственного переворота? Причина в том, что в условиях экономии и дефицита средств к существованию у нас выработался такой менталитет, при котором мы от любых материальных вложений требуем гарантированный результат и быстрый эффект. Когда американский или, предположим, западноевропейский политтехнолог предлагает политическому руководству выделить финансирование на проведение 20 круглых столов, у руководства не возникает вопросов о том, нужно ли это и для чего это нужно. Они понимают, что эти круглые столы нужны, чтобы донести определённые идеи до некой группы людей, которые в свою очередь смогут донести их до других людей и так далее. Поэтому западный политтехнолог получает запрашиваемые средства и проводит мероприятия, которые он запланировал. В России такая ситуация невозможна. Любой, кто захотел бы провести на Украине круглый стол или другие подобные мероприятия, не

получил бы ничего; ни один чиновник не выделил бы на такое ни гроша. Поэтому ни о какой мягкой силе со стороны России на Украине говорить не приходится. Конечно, некоторые наши некоммерческие организации всё равно работали на Украине, но эффект от их деятельности не мог идти ни в какое сравнение с тем, что делали европейцы и американцы.

Уже в 2004 году количество американских НКО с годовым бюджетом в 50 млн долларов превышало 1,5 тысячи. Это большие суммы, которые позволили провести на Украине серьёзную идеологическую работу. И те люди, которые выходили на майдан, были уже сильно идеологически мотивированы. Я сам видел, как заполнялись заявки на работу от подобного рода организаций. Как правило, все они курировались американским посольством. Схема их работы была утверждена в 1960-е годы, когда ЦРУ массово организовывало всевозможные перевороты в развивающихся странах и активно вмешивалось во внутренние дела других государств. Советский Союз тогда нередко ловил их на таком вмешательстве. Поэтому США решили сделать своеобразную прокладку — USAID³. Головной офис USAID располагается в Вашингтоне, недалеко от Государственного департамента США, министерства финансов и министерства торговли. USAID занимается тем, что распределяет гранты между всевозможными фондами и некоммерческими организациями, которые, в свою очередь, финансируют конкретные проекты. Существуют разные схемы работы на местах, и вот одна из них. Создаются рабочие группы из трёх

³ Агентство США по международному развитию (AMP США) (англ. United States Agency for International Development, USAID) — центральный орган государственного управления США в области оказания помощи за рубежом. Глава Агентства и его заместитель назначаются президентом с согласия Сената и координируют свои действия с Государственным Секретарём США.

человек: оператора (человек, который выполняет техническую функцию), юриста (это может быть совсем молодой специалист, который только что окончил вуз) и журналиста. Задачей этих людей будет отслеживать, кого задерживает полиция в двух-трёх регионах страны (Украины, России или любого другого государства). Большинство задержаний (по бытовым или уголовным преступлениям), не имеющих какого-либо политического подтекста, остаются без внимания. Но если преступление имеет признаки резонансного, если оно связано с политиком или человеком, которого просто может быть жалко (ребёнком, стариком, женщиной, представителем меньшинств), такой случай сразу начинает обрабатываться. Журналист делает репортаж в какое-нибудь информационное агентство, а юрист подаёт ряд правозащитных исков, в том числе и в международные организации. Задача такой ячейки из трёх людей — выдавать несколько новостей в месяц, и эти новости должны доказывать одну простую вещь — что власть создала полицейское государство и угнетает народ. Так работает всего одна группа. Но США финансируют до полутора тысяч фондов, и на содержании у каждого фонда могут быть сотни подобных групп. Находящиеся на американском финансировании НКО ведут и другую работу: публикуют рейтинги коррупции, создают сайты с жалобами, подсчитывают доходы сыновей чиновников. Фонды потом отчитываются перед американским посольством о своей работе. Такой отчёт может быть довольно коротким: «Мы обязуемся установить место работы детей высших чиновников в России (или на Украине), установить их доход, найти их налоговые декларации, сделать информационные видеоролики продолжительностью одна минута на каждого (например, И. И. Сечина, С. Б. Иванова, В. В. Путина), затем разместить эти ролики в соцсетях, сделать им рекламу, чтобы каждый из них набрал не

менее 100 000 просмотров. Вот стоимость проекта...» Фонд рассматривает этот проект, утверждает, выделяет деньги, после чего проект реализуется. Можно лишь подивиться наивности людей, полагающих, что разоблачительные видео в «фейсбуке», рассказывающие, где работает сын какого-то чиновника и какая у него зарплата, возникают сами собой. Каждое такое видео создаётся целенаправленно и должно вызывать определённый отклик у аудитории — чтобы смотрели, чтобы возмущались, чтобы чувствовали себя обманутыми.

Одна из лучших мишеней для провокаций подобного рода — это националисты и религиозные фанатики, потому что степень «метафизической проработки» этих людей значительно выше, чем приверженцев либеральных взглядов или тех, кто хочет социальной справедливости. Достаточно посмотреть на личности всевозможных террористов и тех, кого используют в качестве боевиков во время революций, чтобы понять, что это прежде всего религиозные фанатики и националисты, а никак не либералы. Идеология либерализма не мотивирует человека на самопожертвование; либерал считает себя самым прекрасным существом во вселенной и полагает, что всё в мире должно существовать для него и для его удовольствия — и ценности, и Бог, и государство. Такой человек не будет рисковать собой. А те, кто готовы за свою веру, за государство, за народ жертвовать своей жизнью, — это ценный материал, который всегда нужен для дестабилизации. На таких людей и их организации выделяются отдельные гранты, с ними ведётся отдельная работа. За последние десятилетия практически вся Западная Украина и частично Прибалтика были превращены в своеобразные тренировочные лагеря, которые под видом спортивно-патриотического воспитания занимались подготовкой боевиков. Этим людей учи-

ли пользоваться оружием, биться с полицейскими, им разъясняли, как реагировать на применение отравляющих веществ и работу водомётов, преподавали основы конспирации.

Надо сказать, что сейчас на украинском политическом поле националистический элемент превалирует, тогда как во время майдана доминировала тема «золотого унитаза» Януковича. С одной стороны, это вызвано тем, что сейчас активно работает пропаганда, которая рассказывает о том, что нужно воевать с Россией, якобы напавшей на Украину, а с другой стороны — тем, что организованность националистской идеологии сейчас не в пример выше, чем у какой-либо другой. Подобной организованностью в своё время отличалась идеология большевизма. Ленин и его соратники создали максимально жёсткую партию (схожая организация была и у социалистов-революционеров), и это обеспечило их совместный приход к власти. В дальнейшем большевики партию социалистов-революционеров уничтожили. Это были две партии, созданные как современные тоталитарные секты, где каждый профессиональный революционер проходил курс не просто молодого бойца, а настоящего диверсанта или разведчика. Подобным навыкам сейчас обучают в основном в спецслужбах. Например, в Академии ФСБ проходят, как уходить от слежки, как незаметно оставлять сообщения, как шифровать свои записки, как следить за каким-либо человеком. Всё то, что делает из человека настоящего шпиона-диверсанта, преподавалось за границей членам большевистской партии. И это определило эффективность партии в деле захвата власти.

Во время «оранжевых» революций упор также всегда делался на специально обученных националистов и религиозных экстремистов, которые становились боевым крылом революционного движения. В рамках каждой революции в какой-то

момент возникает необходимость кровопролития. По сути, это технический момент, и мы можем наблюдать это на десятках различных примеров. Кроме того, в революции часто используется случай, когда несправедливо обижают слабого и беззащитного. Даже писатель Виктор Пелевин в одной из своих книг, описывая революцию, указал на необходимость такого рода инцидента в качестве повода для дальнейших событий. Так на майдане мы стали свидетелями целого ряда событий, когда «обижали слабых». Сначала на площадь вывели студентов. А после того как их жёстко разогнали, возник мем «они же дети». Разогнали их по команде Сергея Лёвочкина, главы администрации президента Януковича. Лёвочкин — олигарх, связанный с теми же американцами, который фактически был шпионом и в ключевой момент осуществил описанную спецоперацию, предав Януковича. Разгон студентов стал первой сакральной жертвой. После неё на улицы вышел весь Киев, и ситуация сложилась патовая. Чтобы выйти из неё, международное сообщество в лице министров иностранных дел подписало некие договорённости, чтобы разрешить конфликт и разрядить обстановку. Если бы прошли ещё один-два дня, обстановка начала бы разряжаться. Но те, кто курировал проект майдана, не могли этого допустить, поэтому ситуация с сакральной жертвой была создана повторно. Это так называемая «небесная сотня». В гостинице «Украина», которую занимали восставшие и в которой точно не было представителей силовых структур, расположились некие люди и начали обстрел тех, кто находился на улице. После этого в Киеве начался государственный переворот. Сакральная жертва — это ключевой момент для создания революционной обстановки. Подобные схемы были использованы и с малазийским «Боингом», и с убийством Бориса Немцова. У меня есть полная уверенность в

том, что это почерк украинской стороны, которая и осуществила эти провокации. Конечно, для того, чтобы вся эта схема сработала, критическая масса людей должна быть выведена на улицы. Большинство этой массы обычно составляет молодёжь как наиболее уязвимая для пропаганды часть общества.

Известны высказывания о том, что «власть определяется энергией мускулов молодых людей» и что «если ты хочешь победить врага, воспитай его детей». Работа с молодёжью всегда особенно важна. Во-первых, молодёжь учится, активно читает, а подсунуть читающему человеку что-либо из радикальной литературы — не важно, левой, либеральной или националистической — совсем не сложно. Здесь важно, чтобы эта литература была экстремистской и работала против существующего порядка вещей, против общества, против главы государства, против страны и её истории. Во-вторых, молодёжи нечего терять. У взрослых, состоявшихся людей есть семья, дети, постоянная работа, а у молодых людей ничего этого нет, они готовы рисковать. Как говорят, «за любой кипеж кроме голодовки». У молодых людей есть энергия, которая стремится найти себе выход. В-третьих, у части молодёжи сохраняется инфантильное сознание. Оно проявляется в стремлении переложить ответственность с себя на кого-то ещё. На родителей ответственность уже не переложить, но можно обвинить во всём государство. Когда человеку 12-13 лет и у него, предположим, нет какой-то модной одежды, он легко может сказать, что виноваты мама и папа, не разбираясь в том, по какой причине они не могут заработать на эту одежду. В таком возрасте можно просто предъявлять претензии своим ближним. Но если человеку 20-25 лет, он уже прекрасно понимает, что родители не всесильны, что они такие же люди, как и все, и требовать от них каких-то чудес нельзя. Одна-

ко инфантильное сознание часто сохраняется, лишь переходя в другую форму, и тогда человек не может понять: «Почему Путин не сделал то-то и то-то? Почему у нас зарплата не такая большая, как на Западе? Почему нельзя сделать, чтобы везде были хорошие дороги, чтобы не было коррупции? Путин же ведь самый главный, он всё может». Обычно такой человек ничего не знает о том, что в мире есть международное разделение труда, есть жесточайшая конкуренция различных государств, и что тот же Путин в существующих условиях делает всё от него зависящее. То, что у России есть какие-то ресурсы, и мы, распоряжаясь ими, всё же неплохо живём — это большое счастье, потому что во многих других странах люди даже этого не имеют. Молодёжь не понимает, что она сама ещё никакого вклада в наше национальное достояние не внесла. Часто от протестующих молодых людей можно услышать: «Мы платим чиновникам, мы их нанимаем, а они плохо работают». Но действительно ли они хоть что-то «заплатили чиновникам»? В большинстве своём в нашей стране даже взрослые люди не «платят чиновникам». У нас в стране около 5-6 млн предпринимателей, которые обеспечивают лишь 1,5 % поступлений в бюджет страны. И чиновники живут не на эти 1,5%, они живут на средства, вырученные от продажи нефти, газа и других экспортных товаров. Вот что в основном наполняет бюджет. Поэтому схема, рассказывающая о том, что мы на свои налоги нанимаем государство, чтобы оно работало на нас, совершенно не соответствует действительности. Если предметно рассмотреть, сколько среднестатистический человек заплатил налогов и сколько он взамен получил государственных услуг в виде медицины, образования, охраны, то окажется, что эти суммы несопоставимы. Мы получаем от государства гораздо больше, чем ему даём.

Люди обычно излечиваются от этого инфантилизма к 30-40 годам, когда сами уже что-то в этой жизни совершили, чего-то достигли. Такого человека на протест не выведешь. Молодёжь же вывести можно, она наиболее уязвима, и поэтому государство должно с ней работать особенно тщательно. Сейчас те суммы, которые у нас выделяются на работу с молодёжью, катастрофически малы. Зарубежные организации работают с молодёжью если не больше, то, по крайней мере, эффективнее, чем мы сами. Это действительно проблема. К счастью, её не так давно осознали в администрации президента, и вскоре молодёжная политика должна быть скорректирована. Но для того, чтобы этого произошло, пришлось дожидаться очередного всплеска протеста.

Кроме работы через социальные сети, есть и другие способы воздействия на население. Методички по производству революций давно известны. Есть, например, книга Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» («From Dictatorship to Democracy»). Там перечислено 200 способов, с помощью которых можно дестабилизировать ситуацию в государстве. Поэтому когда молодые люди идут на какие-либо семинары, им просто раздают подобные брошюры. Им говорят: «Вы можете отрабатывать любой из этих двухсот способов». Это может быть организация коллективных петиций к власти с просьбой что-то защитить или что-то отстоять, выход на пикет против чего-либо, проведение какой-либо конференции, и так далее. Можно применять одновременно несколько способов или каждый способ по очереди, и когда использованы все 200, вернуться к первому, начав всё с начала. Конечно, такая деятельность отнимает много времени, поэтому она финансируется за счёт средств, выделяемых по гранту. Степень проникновения в наше общество НКО, раздающих эти

гранты, очень велика (в украинское общество — ещё больше). Но в 1990-е годы ситуация была ещё хуже.

Я как представитель научного сообщества познакомился с этой системой через фонд Сороса. Его представители приходили к нам в институт философии и предлагали написание статей на историческую тематику. Координатор, от которого зависела правильность заполнения заявки и получения денег, сразу отводил интересующихся в сторону и говорил, что если человек исследует какие-то специфичные исторические темы, например, историю итальянского фашизма, то он, конечно, может об этом написать, но это никого не интересует. Заявку можно подать, но она всё равно не пройдёт. Но если написать, например, разоблачительную статью об Александре Невском (русском святом), то шансы на получение 20 тысяч рублей будут очень высоки. Некоторые мои коллеги подавали заявки, получали деньги и на статьи, и даже на книги.

В качестве меры стимулирования практиковались и заграничные поездки для руководства института. Все наши руководители успели таким образом побывать за рубежом — в Европе, Америке, Китае. Такие поездки служили и средством покупки лояльности, и способом пропаганды. Когда моя дочь училась в 8 классе, она победила в городской олимпиаде по биологии (мы тогда жили в Екатеринбурге). Через две недели американское консульство Екатеринбурга прислало моей дочери и другим детям, отличившимся в каких-то олимпиадах, приглашение в город Сан-Франциско на две недели в рамках программы «зелёные недели». Детей возили по университетам, рассказывали, как учатся американские студенты, показывали, как в Америке занимаются охраной окружающей среды. Надо сказать, что Сан-Франциско — это один из самых красивых городов Америки. И

конечно, дети возвращались из такой поездки в полном восторге от того, в какой прекрасной стране они побывали. Их не повезли в соседний город Окленд с многочисленными районами, где просто опасно выходить на улицу. Им не показали, как живёт обычная молодёжь из семей с невысоким достатком в том же Сан-Франциско. Потому что всё это делалось с известной пропагандистской целью. Но уровень работы американцев с нашей молодёжью поистине впечатляющий: уже в средней школе они отыскивают талантливых детей, берут их всех под контроль и начинают с ними работать. Это реальный показатель эффективности мягкой силы, о которой сейчас так любят говорить.

В последние годы были приняты законы о том, что организации, которые финансируются за счёт иностранных денег, являются иностранными агентами. И теперь они сами обязаны информировать об этом тех, с кем работают. Это очень полезный закон, но, к сожалению, его тоже можно различными способами обойти. Например, организация Михаила Ходорковского «Открытая Россия» вообще не зарегистрирована в нашей стране, но у неё есть сайт в интернете, с помощью которого она осуществляет работу с людьми, организует мероприятия, проводит свою информационную политику. Кроме того, с помощью интернет-технологий (QIWI-Кошелёк, Яндекс-деньги, криптовалюта) подобные организации могут легко оплачивать работу своих агентов в России, не имея здесь своего офиса. Конечно, большая часть оплаты идёт активной верхушке, а основная масса людей используется втёмную. Поэтому когда в наших СМИ говорилось о том, что присутствие всех людей на майдане было проплачено, это вызывало справедливое негодование. На площади в Киеве было, может быть, 100 тысяч человек, и, конечно, платить такому количеству людей никто бы не стал — это дорого и нецелесообразно. Большинство

вышли, как они думают, по зову сердца — выказать свой протест против коррупции. Платили лишь той тысяче или тем пяти тысячам людей, которые ходили в красных куртках и агитировали, организовывали остальных, распределяли людей по сотням — первая сотня майдана, вторая сотня... Платили тем, кто подвозил на площадь палатки, воду, бутерброды для всех присутствовавших. Всё это делали не простые люди, безвозмездно и по собственной инициативе, а предприниматели, которым компенсировали их расходы. Обычный человек, какая-нибудь бабушка могла бы принести несколько пирожков, но этого бы не хватило на всех людей, которые участвовали в этом действе. Там всё было поставлено на поток.

Когда у китайцев возник свой майдан в Гонконге, власти тоже обнаружили, что для десятков тысяч студентов, которые вышли на протест, кто-то привозит воду и еду. Через некоторое время власти установили, как было организовано снабжение протестующих. Обнаружилось, что за несколько недель до начала протестных событий были законтрактованы несколько близлежащих магазинов, и вся продукция, которую они привозили студентам, была оплачена по рыночной цене. Естественно, это никак не афишировалось, и со стороны могло показаться, что кто-то снабжает студентов на безвозмездной основе.

Часть средств, которая требуется для организации цветных революций, идёт на оплату информационного сопровождения. Тем, кто делает репортажи в СМИ, ведёт трансляции в интернете, делает публикации в соцсетях. Конечно, деньги там не такие уж большие, предателям Родины обычно не платят слишком много. И про организаторов этих революций нельзя сказать, что они купаются в роскоши. Я лично знаком со многими из них ещё со времён первого майдана 2004 года. Эти люди постоянно

бегают в фонды и посольства, чтобы им выделили деньги на очередной проект. И живут они фактически от зарплаты до зарплаты. Вследствие принятия нового закона об НКО их деятельность в России оказалась сильно ограниченной. Однако на Украине они по-прежнему продолжают беспрепятственно работать.

В 2014-2015 годах на Украине было создано отдельное Министерство информационной политики. Формально там работает около 20 человек, но фактически они контролируют порядка 200 фондов и множество рабочих групп. Особое внимание министерство уделяет пропаганде с использованием интернет-технологий. Антироссийская деятельность министерства информационной политики Украины имеет три направления. Первое нацелено на Крым. Там пытаются культивировать атмосферу сожаления, ностальгии по Украине и недовольства российской властью. Работа ведётся не только с активистами, но даже с отдельными представителями власти, депутатами. Второе направление — Калининград. Недавно на Украине была утверждена и согласована на высшем уровне концепция, согласно которой уже через два года Калининград должен быть отделён от России. И на это выделены довольно большие деньги. И третье направление — это поддержка Алексея Навального.

Проверка групп в социальных сетях, которые агитируют за Навального, показала, что примерно у 70% из них модераторы и администраторы живут и работают на Украине. К сожалению, мало кто из сторонников Навального знает это. Конечно, это и не так просто узнать, потому что вряд ли украинский пропагандист будет верно указывать своё местоположение; скорее всего, он укажет, что он из России. Чтобы определить местоположение человека, нужно узнавать IP-адрес, с которого он выходит в сеть, и мало кто будет этим заниматься. Когда Навальный

заявил о своём намерении баллотироваться на президентских выборах 2018 года, Константин Костин⁴ провёл исследование, в ходе которого было установлено, что 90% его поддержки в социальных сетях (лайки и репосты его публикаций), обеспечивают пользователи с Украины, из Грузии, Прибалтики, Канады, Западной Европы. То есть реальная поддержка, которой он располагает в нашей стране, на порядок меньше, чем это может показаться человеку, не знакомому с механизмами манипулирования общественным мнением. В Государственной Думе сейчас обсуждается идея о том, чтобы привязать каждый аккаунт в социальных сетях к определённому человеку и его паспорту, отменив таким образом анонимность интернета. Но, конечно, наша молодёжь обычно негативно реагирует на такие предложения, потому что все привыкли к анонимности, безнаказанности. И если какой-нибудь депутат выступит с подобной инициативой, и она получит дальнейшее развитие, это может вызвать очередную волну молодёжных протестов. Поэтому задача по введению интернет-пространства в рамки правового поля относится к разряду трудно решаемых, но решать её всё равно нужно.

Для человека, не знакомого с политтехнологиями, то, о чём я говорю, может стать в своём роде откровением, потому что в любой профессии есть своя специфика, свои профессиональные секреты и такие стороны деятельности, о которых говорить не принято. Например, порядка 10 лет назад интернет-пространство было переполнено слухами о банковской деятельности, «открытиями» о том, как банки «делают деньги». Но никакой тайны в этом не было, основное содержание банковской деятельности не так уж сильно изменилось за последние годы, банкиры занимаются

⁴ Костин Константин Николаевич (род. 1970) — политтехнолог, председатель правления Фонда развития гражданского общества.

всё тем же на протяжении тысячелетий. В подобном ключе можно говорить и о «секретах» физиков, химиков, военных. Однако для человека, который не имеет с ними дела каждый день, они всегда оказываются чем-то новым и интересным. Этот принцип в своей работе используют, например, многие телевизионные передачи для привлечения большей аудитории.

То же самое можно сказать и о работе политиков и политтехнологов. Как в производственном процессе на заводе участвует множество подразделений — конструкторское бюро, конвейер, отдел качества, служба безопасности, — так и в избирательном и информационном процессах принимают участие множество специфических структур. Всегда есть директор, который всем управляет, «конструкторское бюро», которое обсуждает и берёт на вооружение какие-либо идеи и технологии, инструменты в виде СМИ, интернета, акций, финансовый отдел и так далее. Работа политтехнологов — это такой же завод, как завод по производству автомобилей или сливочного масла. И, пожалуй, каждый человек должен хотя бы в общих чертах знать основные механизмы, используемые политтехнологами, чтобы не стать лёгким объектом для манипуляций. Могу сказать, что меня разоблачительным фильмом про Медведева не проймёшь. В своём интервью агентству РБК я сказал, что даже если Медведев «ест детей», это не значит, что я должен идти на улицу, чтобы свергать правительство. Общество же в большинстве своём реагирует иначе: одни говорят, что это правда, другие — что неправда. То есть создатели фильма достигли желаемого результата — внесли раскол в общество. Чтобы не быть манипулируемым, каждый должен, прежде всего, задаваться вопросом: чего от меня хотят добиться, к каким действиям хотят побудить, создавая тот или иной политический контент.

А. Б. Рогозянский

научный консультант Русской экспертной школы, философ, публицист

ОБРАЗ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВАХ ЗАПАДА

Русская церковь представляет собой сложный объект для описания, особенно с точки зрения зарубежного наблюдателя. Применительно к ней проблема кросс-культурной передачи смыслов становится ещё более актуальной. Если Россия для Запада представляется парадоксом, вызывая спектр непростых чувств — удивление, недоумение, беспокойство, то религиозная составляющая русской культуры, русского исторического самосознания и политической традиции понимается с ещё бóльшим усилием.

Причин этому несколько, прежде всего внутренних, определяемых своеобразными чертами православия — герметичностью, интроверсивностью традиционной церковности. В светской сфере — по линиям экономики, политики, науки, искусств, общественного устройства, государственного управления, военного дела — между Россией и западными странами на протяжении по меньшей мере 500 лет происходят диалог и взаимодействие. Объективно, по тому вкладу, который внесли русские, можно судить о значительной общности историко-цивилизационного процесса. Русское православие не испытывает большого желания смотреться в зеркало западного христианства. Сначала оно оставалось безразличным к развитию схоластики, затем — к реформационной волне, конфессиональным теологическим дискуссиям, становлению библейской науки и

критической школы. Западноевропейские заимствования для Русской церкви ограничены и носят поверхностный, стилистический характер, как, например, в барочно-классицистических храмовых архитектурах, интерьерах и иконописи.

Ортодоксия настаивает на самоуглублении. Свою роль также сыграло и то, что другие подвиды традиции: греческая, антиохийско-сирийская, сербская — в развитии своём оставались лимитированы мусульманским владычеством. Самодостаточность русского религиозного менталитета в данных исторических обстоятельствах легко объяснима.

Есть также собственно исследовательские причины затруднений. При изучении Русской церкви одинаково непродуктивными представляются как унифицирующая позиция цивилизатора, так и романтизация «загадочной русской души», характерная, как вы знаете, для некоторых работ западной интеллигенции, европейских и американских диссидентов — Освальда Шпенглера, Патрика Бьюкенена и других. Можно вместе с Рильке восторгаться Россией: «Все страны граничат друг с другом, и только Россия граничит с Богом». Но если на этой художественной фигуре речи, на патетической ноте начать основывать содержательные анализ и прогнозику, боюсь, Россия разочарует. Ибо слишком многое не укладывается не только в представление об идеальном, Божественном, но даже и в более скромные представления относительно здравого смысла, умеренности, приличий и тому подобного.

С другой стороны, также не выглядит адекватным взгляд на Русскую церковь как на варваризованный, обзиатченный вариант западного христианства, желание анализировать её в соответствии с тенденциями западной религиозности. «Ошибки экспертизы» случались не раз. Достаточно вспомнить ошибку

идеологов нацистской Германии, которые перед началом наступления на Восток чрезмерно оценивали протестный потенциал Русской православной церкви, усматривая в притеснениях религиозной свободы в СССР возможности коллаборации против Сталина. Притеснения в СССР и в самом деле были чудовищными. По логике горечь от поругания святынь, разрушения церквей, арестов священнослужителей, совершённых в 1920–1930-е годы, должна была обострить жажду справедливости и возмездия в отношении большевиков. На деле же расщепления патриотического чувства не произошло. Религиозный фактор играл важную роль в консолидации в ходе Отечественной войны, превращения этой войны в «народную и священную».

И здесь не фрустрация, наступившая в результате гонений и выражающаяся в неспособности вести собственную политическую партию, безволие, с панической боязнью прогневить коммунистических вождей и карательные органы. Таков традиционный императив: самоотдача, умение отбросить в сторону разногласия ради изгнания врага любой ценой. Русским приходилось много воевать на протяжении столетий. В том, что касается оборонительной войны, этику коллективного выживания, этику долга можно считать отработанной до автоматизма.

Другой эпизод. К 1970-м у многих на Западе создалось впечатление, что Советы додают церковь и религию. Тяжёлый удар был нанесён второй волной гонений при Никите Хрущёве. Уходило из жизни старшее поколение, воспитанное в рамках церковного уклада; модернизация направляла страну и народную жизнь всё дальше к секуляризованным формам. За рубежом считалось, что существуют лишь незначительное число политических диссидентов, находящихся под неусыпным контролем КГБ, и весьма малочисленные нелегальные общины —

так называемая «катакомбная церковь». В остальном же задача формирования «нового советского человека» обещала скорое полное уничтожение, вычищение православия в пределах железного занавеса.

Данную точку зрения о коренной порче и деградации религиозной жизни в Советском Союзе поддерживали в эмигрантской среде Русской зарубежной церкви. Эмигранты называли Московскую Патриархию «безблагодатной», т. е. мёртвой, формой без содержания, и претендовали на исключительную роль хранительницы духовного наследия России. Понятно, что в самый разгар холодной войны между Советским Союзом и Западом антисоветизм эмигрантов был вещью востребованной.

В начале 1974 года из СССР выслали Солженицына, написавшего перед тем обличительное открытое письмо патриарху Пимену, наделавшее много шума и имевшее своим следствием новые репрессии КГБ. Осенью того же года Солженицын обращается с открытым письмом к участникам Третьего собора Зарубежной церкви. Письмо вызывает сильнейший шок. Вчерашний политзаключённый и яростный борец против коммунистической тирании в нём последовательно аргументирует, почему религиозная жизнь под Советами продолжается, имеет развитие и даже свои преимущества перед эмигрантской средой. В письме Солженицын предсказывает очищение и возрождение православной веры в России своими внутренними силами, Зарубежной же церкви отводит незначительную роль, предрекая ей затухание и аффилирование с Московским Патриархатом. Время подтвердило правоту этих оценок. Спустя полтора десятилетия — с падением коммунистической власти — всё в точности так и случилось.

Сходные ошибки совершаются и современными исследователями. В России работает ряд институтов и фондов: Кестонский институт, созданный ещё в 1969 году для изучения религии и коммунизма, центр Карнеги, фонды Макартуров и Аденауэра, Гумбольдта и Герды Хенкель. Стилистика их деятельности, к сожалению, заставляет говорить не столько об изучении, сколько об утверждении определённого взгляда на религиозную ситуацию, образ и роль Русской церкви в российской и западной аудиториях.

На церковную жизнь и церковно-общественные отношения в России западные исследователи первоначально накладывают ряд характерных для западного мировосприятия шкал: права человека, равные возможности, свобода мнений, открытость и адаптивность к актуальной социальной проблематике, противодействие авторитаризму, низовой контроль за управлением, прозрачность, экономическая самодостаточность. По большинству критериев РПЦ закономерно достаивается низкого балла, после чего происходящее в ней, органика православной церковности уже не представляют интереса. Остаётся позиция менторства и то, что я бы назвал инструкцией по снижению вреда от РПЦ как от некоего взрывоопасного предмета.

Это отвечает, к сожалению, общей конъюнктуре в освещении образа России и русских западными исследователями и СМИ. РПЦ в подавляющем большинстве своих проявлений аполитична. Российское государство, армия, российские экономические субъекты могут составлять конкуренцию Западу, участвовать в сложных геополитических шахматных партиях. Русская церковь не строилась по образу структуры влияния. Можно взять для сравнения Ватикан и его всемирную сеть, для

которой и сегодня, несмотря на утрату былых позиций, остаётся возможным очень и очень многое.

РПЦ в сопоставлении с этим выглядит вегетариански. Манера ведения дел в зарубежных представительствах Московского Патриархата слишком нетороплива, неагрессивна и необязательна. Обратившись к историческому прошлому, мы почти не найдём случаев, когда бы Русскую церковь обвиняли в связях наподобие сицилийской мафии, закрытых лож, в отмывании средств в грандиозных масштабах. Аналитически достоверным по отношению к Русской церкви является применение критериев культуры, истории, общественного действия, но не геополитики. Увы, но эти важные особенности практически не замечаются. Русская церковь попадает в круг русофобии и записывается в инструменты Кремля. После этого понять что-либо западному исследователю уже невозможно.

В значительной степени «на экспорт» ориентированы и некоторые российские религиоведы, разрабатывающие ниву демифологизации — создания рационального и даже, я бы сказал, математически выхолощенного портрета Московского Патриархата с априори заданным результатом.

Содержание подобных материалов не идёт дальше старых марксистских тезисов о религии как механизме эксплуатации правящей элитой народных масс и материальной, денежной подоплёке интереса духовенства к своему делу. Буквально, конечно, это не является повторением марксистской карикатуры, на которой толстые попы смеются над простофилями, сидя на стопках купюр. В изобилии привлекается либеральная терминология, так что вместо парадигмы классовой борьбы используется, как правило, антиавторитарная и гуманистическая риторика. Но, боюсь, после прочтения большого объёма по-

добных текстов ничего хорошего об РПЦ человек не вынесет. Демифологизация переходит в постмодерновую деконструкцию. И вообще, честно говоря, на таком уровне отчуждённости, самодостаточности мышления потребность в вере и церкви становится уже неочевидной. Начинается столкновение конкурентных политических риторик, когда стороны увлечены тем, чтобы разрекламировать свою систему ценностей и развенчать противоположную. Это ограниченный и бесплодный дискурс, за которым не видно главного — этоса объекта изучения, в частности этоса Русской церкви. В данном дискурсе на протяжении десятилетий действуют западные исследовательские структуры у нас в России.

Критики Церкви иногда делают оговорку о том, что в РПЦ есть некоторое число «истинных пастырей» или «истинных верующих», существование которых в какой-то степени оправдывает Русскую церковь. Однако сводимый к личному фактору исследовательский дискурс обесценивается ещё больше, ибо как проанализировать и понять, что такое добродетель другого человека, выбор совести подлинный и неподлинный? Как уяснить, что значит «мало» и «немало» в отношении христианства, с самого начала объявлявшего себя верой малого стада? В конце концов, мы приходим к той точке, в которой заявляется, что хороших и плохих людей можно встретить везде (вы знаете эту риторику «bad people, good people», взятую действующим американским президентом на замену политкорректности, и как по-детски в итоге это выглядит).

Если хорошие и плохие люди есть везде, и это единственное, что можно сказать с уверенностью, корпорации аналитиков пора отправляться в песочницу, играть в детские игры. Сравните это с голосом Солженицына (цитата из письма

к Третьему собору): «Не надо, как я замечаю в некоторых ваших публикациях, игнорировать, обходить умозаключением — самовозникший и самокрепнувший в нашей стране православный мир ... Итак, ожидаемое и, конечно, произойдущее освобождение и нашей Церкви и нашего народа тоже совершится — в метрополии, процессами внутренними, божественно-неисповедимыми, как всё сложное, не прогнозируемое самими дальновидными умами».

Когда читаешь это, складывается впечатление, что не было прошедших 40 лет, и свои предостережения Солженицын направляет прямиком по адресу современных критиков. С точки зрения конкурентной политической риторики, автор наверняка мог бы развернуть широчайшую картину произвола властей, в реализме этого свидетельства Солженицыну тогда не было равных. Множество фактов и самых явственных описаний могло бы быть озвучено вчерашним узником совести. Если стремишься к славе героя, то удобней всего приобретать её именно так — подчёркивая мрачную сторону противостоящей тебе сущности. Но настоящее значение имеет не регистрация и подсчёт частных, пусть и в статистически значимых количествах. Значение имеет модальность и сила влияния церковности на человека, страну и историю.

При всей малой определённости солженицынского текста, художественности, размытых формулировках, использованию отсылок к процессам Божественным, к метафизическому началу, Александр Исаевич представляет, конечно, исследователя — вдумчивого, серьёзного. Множество интуиций, множество лет одиноких размышлений сплелись для того, чтобы видящий основания православной жизни в Отечестве смог сделать свою экспертизу, выразить компетентное заключение. И экспертиза

эта, как мы помним, оказалась точней многих, поднявшись до визионерских высот.

Родовая болезнь западно ориентированного религиозоведения у нас здесь — в том, что оно не просто занимается исследованием ситуации, но позволяет кормиться слою людей, комплементарных по отношению к идеологии либерализма и, наоборот, растождествившихся с местной религиозной средой. Законы экономики, зависимости между финансовым стимулированием и конечным продуктом дают в результате фантастический всплеск — под видом аналитики — самой отборной пропаганды и конкурентной риторики, которая может понравиться спонсорам.

Но даже высокая степень политизации не мешает западно ориентированным критикам Церкви подавать себя в роли борцов за чистоту христианства и критиковать иерархию Русской церкви не просто за ошибки и отклонения в управлении, но за искажение Евангелия и отступление от Христа.

Исключением из правил можно считать публикацию Елены Жосул в газете «Vatican Insider» под заглавием «У нас нет разногласий по поводу роли женщины»¹. В ней автор представляется «мирянкой, дочерью Русской православной церкви, работающей в церковных образовательных структурах, хорошо знающей церковную среду и сам “женский вопрос”». С западной аудиторией автор говорит доступным языком, обсуждая тематику равенства возможностей и разнообразия. В то же время дискуссии о роли женщины занимают в России другое место. Они не имеют ничего общего с истериками в либеральном ключе, когда поиск проявлений мужского превосходства напоминает

¹ Жосул Е. У нас нет разногласий по поводу роли женщины // Иносми.ру. 2013. Режим доступа: inosmi.ru/russia/20130925/213283852.html (дата обращения 01.10.2017).

охоту на ведьм и обратную дискриминацию по признаку традиционных ценностей.

Вообще российское общественное сознание, не только религиозное, с трудом принимает увлечение Западом тематикой равенства и многообразия. В этом видят переразвитие темы и фигуры праздного ума, в рамках которых «личная свобода», категория достаточно умозрительная, выводит из поля зрения по-настоящему драматические диспропорции и вызовы, представляющие угрозу человеческому достоинству. Среди них общественное неравенство, социальный паразитизм, всевластие и алчность элит, застопорившаяся непродуктивная долговая экономика, противоречия между странами и группами стран, грозящие конфликтами, пресинг СМИ, тотальная слежка, роботизация, генетические манипуляции, аборт, индивидуализация, деградация воспитания и образования, повышенный уровень агрессии и психической нестабильности в обществе, экология и другие.

Некогда Ницше провозгласил «смерть Бога» в истории, сказав: «Бог умер». Современный либерализм, образно говоря, желает провозгласить, что «умер Шекспир». Вечные вопросы, коллизии и линии напряжения, которые веками запечатлевали классическая культурная традиция: мужское и женское, драма взаимосвязи и конфликта поколений, крови и рода — объявляются потерявшими значение.

В России действительность слишком далека от лоска и разрешения базовых вопросов, чтобы позволить среднему обывателю предаваться фантазиям на темы гендерной принадлежности. Возможно, выскажу своё личное предположение, что новая повестка, связанная с кризисом глобальной экономики и модели welfare state сместит общественное внимание в сторону более традиционных, консервативных трактовок.

Повторю ещё раз, что материалам российских церковных авторов с самостоятельной позицией, не панегириков, чрезвычайно сложно найти путь к западной аудитории. Я думаю, что до тех пор, пока отправной точкой усилий остаётся пресловутый концепт «продвижения демократии», сложно ждать объективизации образа РПЦ или, по крайней мере, изменения интенций исследований. Слишком велик соблазн — не пытаться постичь Россию и её специфику, разрешить свои затруднения с ней одним махом, в очередном перевороте и сломе существующего порядка. Продуктивный и свободный диалог будет происходить в камерных аудиториях и в сообществах, для которых тематика глобального кризиса и кризиса либерализма актуализирована.

Е. А. Белжеларский

научный консультант Русской экспертной школы, политический философ,
литературный критик

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МОДЕРНА: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО И ДРУГОЙ

Проведём небольшой умозрительный эксперимент: представим себе древнего римлянина, который волей неведомого и неисповедимого случая попадает в «блистательный» и галантный век французского короля Людовика XIV. Вот римский патриций видит перед собой вельможу в камзоле, парике и со шпагой на поясе. Какой будет первая мысль, которая придёт ему в голову? «Варвар!» — подумает он, высокомерно оглядев потомка воинственных галлов. Возможно, такой эксперимент покажется читателю смешным и абсурдным, но повернём шкалу истории другим концом и спросим себя: был бы прав стилиста 1950-х или хипстер 2010-х годов, назвав «деревенщиной» гражданина древнего Рима? Ничуть не более. Все четверо — аутентичны в декорациях своей эпохи, они — «современники своего времени». Особого внимания заслуживает тот факт, что идея варварства и противостоящей ему передовой цивилизации, а значит, и все формы европоцентричного исторического шовинизма возникли ещё во времена древних греков и римлян. И этот факт делает миф о культурном превосходстве и «бремени белого человека» (особой миссии цивилизатора) архаичным, если не сказать пещерным, или, если использовать модернистскую терминологию, — традиционным.

Таким образом, мы оказываемся перед парадоксальным фактом, что нет ничего более традиционного, чем идея «современности». Правда, современности не какой-нибудь, а существующей здесь и сейчас и данной нам в ощущениях. Иными словами, принцип социокультурной опосредованности сознания, на котором настаивали представители французской философской школы XX века, в конечном счёте можно свести к одной проблеме выбора. Выбора между личной автономией и иррациональным чувством причастности к «современному», к очередной фазе бесконечно длящегося и «незавершённого» (как уверяет нас Юрген Хабермас и его философская школа) модерна. Ты современен, следовательно, ты существуешь. Правда, в этом случае ты не уникален. Ты не фигура, а фон. И наоборот: выпадая из своей современной общности, человек получает шанс на уникальность, но взамен выключается из модернистского *ergo sum*, его голос выбивается из хора условных индивидуальностей. Квантор существования уже с трудом применим к такому человеку.

О странной ситуации, когда общество определяет своё место в истории в формах превосходства и отрицания «традиционного», довольно точно и убедительно написал Василий Щипков в статье «Современность между смертью и традицией»¹. Этот феномен в его изложении представлен так:

«Одно из наказаний для современного человека — быть выброшенным из современности и оказаться “несовременным”, на “неправильной стороне истории”... Это «чувство, что не ты живёшь, а динамичное время живёт и управляет тобой», это «за-

¹ Щипков В. А. Современность между смертью и традицией [Электронный ресурс] // ГЕФТЕР — интернет-журнал. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/22889> (дата обращения: 04.10.2017).

прет останавливаться и невозможность осмотреться вокруг» — вот что определяет дух времени, уверенного в своей собственной столь же очевидной, сколь и необъяснимой уникальности. Это не что иное, как точное описание самой сути исторического шовинизма.

На этом месте можно было бы в порядке антитезиса к господствующему авторитарному дискурсу «вечного» модерна напомнить, что водопровод, изобретённый в Древнем Риме, пришлось изобретать заново в Средние века. Или указать на «азиатский способ производства», над которым ломал голову Маркс, поскольку накопление капитала по-европейски никак не желало происходить на Востоке, а колонизируемые никак не хотели походить на колонизаторов. Наконец, можно было бы обратить внимание на то, что сама концептология «современности» вызывает у критически мыслящего индивида немало вопросов. Как найти верхнюю границу «современности», если известна нижняя? И можно ли определить природу явления, не зная, где проходит одна из его границ? О каких закономерностях этого явления можно говорить, если «современность» продолжается, и мы сами в неё погружены? Не является ли на самом деле современность только частью традиции или, наоборот, традиция — частью современности?

Все эти вопросы могли бы дать и наверняка дадут пищу для многочисленных дискуссий, которые неизбежны в будущем. Особенно если, как пишет Василий Щипков, рано или поздно мы «начнём думать иначе: думать о *современности* и *традиции* не как об антонимах, а как об одном и том же, как о синонимах вечных ценностей и вечной жизни». Но сейчас хотелось бы подойти к проблеме с другой стороны, не культурно-исторической, а религиозно-этической.

Исторической зоркостью не обладает ни одна эпоха, в том числе и наша. Осознать свою историческую слепоту — вот что было бы прозрением и серьёзным духовным достижением с христианской точки зрения. Но пока этого не происходит. Проблема, в частности, состоит в том, что в основе современной парадигмы знания лежит гностический миф, истолкованный в духе позитивизма и натурализма, то есть ди-хотомически и эволюционистски. Он составляет основу «фундаментализма» модерна — того самого явления, которое известный английский теолог и философ, основатель движения «радикальной ортодоксии» Джон Милбанк называл *имманентистской матрицей*. Его можно также назвать рационалистической религией, или рационалистическим гнозисом. От этой религии страдает не только христианский универсализм и христианская традиция, но и подлинная классическая рациональность, поскольку из инструмента науки и философии её превращают в метафизическое, сакральное ядро имманентизма.

Согласно Милбанку, этот процесс сакрализации, «обожествления» рациональности, научности и секулярности имеет глубокие религиозные предпосылки. Собственно говоря, всё это, по мнению Милбанка, — результат «девиации исходного теологического дискурса», то есть дискурса аутентичного христианства. Согласно Милбанку, западное общество находится в состоянии «незавершённого прочтения» или «незавершённого толкования» Писания и Предания, что выражается и в разрыве с христианством, и в христианофобии. Позиция Милбанка состоит в том, что прежде всего необходимо восстановить в правах христианский универсалистский «мастер-дискурс» («перводискурс»), который должен стать «метанарративом будущей куль-

туры». Но сделать это необходимо без нового разрыва, то есть с учётом достижений классической рациональности.

Между тем представляется вполне очевидным, что грубое деление разных, в том числе существующих одновременно, комбинированных и гибридных форм социальности и социальной организации на «традиционные» и «современные» тенденциозно по самой своей сути (заметим, кстати, что в историцизме коммунистического типа эта стадильность была более дробной, а цена деления исторической шкалы гораздо меньшей). Причины такой несостоятельности — как эпистемологические (о чём уже было сказано выше), так и нравственно-этические. Последние также связаны с явлением социального насилия.

Чтобы сделать более понятным последний тезис, отметим, что в основе колониалистских и неоколониалистских практик лежало насилие, психологически и идеологически мотивированное в соответствии с древнейшей мифологической формой его институциализации — той, которую французский философ и антрополог Рене Жирар назвал «сакральным насилием». Из этого мифокомплекса древности в современную политическую практику попало понятие «сакральной жертвы». Сакральность в этой схеме, согласно Р. Жирару², используется в целях объективации: кто-то должен быть принесён в жертву ради всеобщего благоденствия, кого-то нужно отдать на заклятие. На самом деле мифема священного прикрывает в этом случае элементарное право сильного и легитимирует его в глазах народа (племени), поскольку насилие в чистом виде коллективный разум племени отторгает. Перекидывая мостик к социально-политической современности, мы вынуждены констатировать,

² См. книги Рене Жирара «Насилие и священное» и «Козёл отпущения».

что данный мифокомплекс — один из самых активных в нынешнем социуме и культуре...

Исходно комплекс сакрального насилия был характерен для самых архаичных форм коллективного сознания, и там, где он обнажается в наше время, имеет место провал коллективного сознания людей из современности в архаику. Колониализм был первым и самым ярким примером такого провала в эпоху Нового времени, коммунизм стал реакцией на него и зеркальным подобием данного процесса.

Согласно Р. Жирару, христианство впервые поставило под вопрос ритуально-мифологическую схему коллективного насилия — и в этом его революционное значение. Христианский сюжет взрывает дискурс священного насилия изнутри, подтачивает и деконструирует его. Происходит это потому, что если в прежних религиях мы всегда встречаем «нарратив убийцы», то в евангелиях рассказ впервые в истории ведётся от лица и с точки зрения Жертвы. Весь Новый Завет написан с позиции Жертвы и в этом, в частности, его уникальность.

Вновь обратим внимание на современность. Сознанию квазисовременности модерна по-прежнему необходим кто-то, кто подходит на роль жертвы, современный «варвар». В рамках социологии модерна таким варваром стал носитель «тоталитарного» сознания, «тоталитарно мыслящий» Другой. Такая схема «социальной эволюции» страдает, помимо скрытого сакрального насилия, также и биологизмом, поскольку мыслится по аналогии с эволюцией животного мира, в котором действует естественный отбор. Один из идеологических парадоксов квазисовременности состоит в том, что конкуренция и естественный отбор допускаются истеблишментом на уровне индивидуумов, этнических групп и даже цивили-

заций (по С. Хантингтону), но не допускаются на уровне социальных классов.

Современное оформление комплекса сакрального насилия — это политический поиск врага («цивилизационного» Другого), перед лицом которого нужно сплотиться. К сожалению, сегодня во «враги цивилизованного человечества» и демократии записывают не только ИГИЛ³ и Джебхат ан-Нусру⁴, которые совершают публичные казни через обезглавливание и разрушают памятники культуры, но и любого оппонента, в том числе целые страны и народы. Всё это делается в рамках устаревшего мышления, которое на место так называемых «воображаемых сообществ» (как называют нации и конфессии конструктивисты) выдвигает «воображаемые» исторические этапы.

Сегодняшний мировой кризис — не только экономический, но также и экзистенциальный. Это ещё один сдвиг сознания в направлении исторического и культурного шовинизма. Разумеется, противоядием этому процессу могут служить только христианские нравственные ценности.

³ Организация запрещена в России.

⁴ Организация запрещена в России.

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Интелектуальная дипломатия — это новое направление в сфере международных академических контактов, которое принципиально отличается от сравнительно давно существующей научной дипломатии. Научная дипломатия, согласно сложившейся традиции, осуществляется через научные и образовательные обмены, установление диалога между исследователями, выработку общего понятийного аппарата. Цель научной дипломатии — поддерживать и развивать язык международного научного общения.

Интеллектуальная дипломатия, как её видит коллектив Русской экспертной школы, — явление совершенно иного порядка, которое не зависит от сферы нормативно-регламентированной публичности, сложившейся в рамках конвенций научного сообщества эпохи позднего модерна. Интеллектуальная дипломатия принципиально выходит за номенклатурные и понятийные рамки постпросвещенческой культурной парадигмы.

Это не специальный клуб по интересам, не площадка для показательного обмена мнениями и не объединение интеллектуалов, ставящих целью прийти к идеологически выдержанному единomyслию. Интеллектуальная дипломатия — это жанр общения учёных, интеллектуалов, экспертов и исследователей из разных стран на *языке традиционных ценностей*, который является для них общим, несмотря на их принадлежность к разным национальным традициям. Это процесс, который призван положить в основу научного диалога

нравственность, традиционную религиозность и классическую рациональность — взамен методологий, претендующих на безальтернативность и общезначимость, но нередко зависимых от секулярно-сциентистской мировоззренческой парадигмы.

Интеллектуальная дипломатия не занимается ниспровержением авторитетов и не призывает к разрыву с научной или культурной традицией, как когда-то (начиная с позднего Средневековья) идеологи «современности» призвали отказаться от всего «традиционного», де-факто провозгласив новой традицией вечный разрыв с традицией, а главной действующей силой современности — революционные перевороты и отказ от большей части накопленного коллективного опыта в культуре, политике и даже в науке. Впоследствии это привело к превращению ряда научных процедур из инструментов познания в систему социальных регуляторов и язык новой идеологии, сформировав одновременно позитивистские культы и — в качестве своеобразной «реакции» на них— игровое сознание постмодерна.

Интеллектуальная дипломатия — это беседа (речь, дискурс), участники которой полагают, что абстрактной, «чистой» научности не существует, что любое научное задание, проект, исследовательская программа являются отражением мировоззренческой модели части научного сообщества и воплощением нравственных интенций каждого конкретного учёного.

Этот подход ведёт к естественному укреплению в сфере социальных наук языка традиции и культурной памяти, который позволяет отказаться от схоластического либерального языка, пронизывающего сегодня социогуманитарное пространство и нередко подменяющего подлинный предмет познания идеологизированными теоретическими конструктами.

Безусловно, мы не призываем к новому единомыслию. Именно поэтому уже сейчас, на этапе формирования теории и практики интеллектуальной дипломатии можно заметить отчётливые признаки будущей конкуренции между участниками этого процесса. Конкуренция обусловлена их культурными и идеологическими различиями. Тем не менее у людей, ищущих альтернативу языку либерального конструктивизма и модернистской схоластики, сегодня намного больше общих черт, нежели различий. Этим людей объединяет признание непреложной ценности нравственного универсума, ценности традиции, религиозной веры и исторической памяти. Это даёт основание считать, что интеллектуальная дипломатия — явление современное и закономерно возникшее в нынешних исторических условиях.

В рубрике «Интеллектуальная дипломатия» представлены доклады и статьи иностранных экспертов, принимавших участие в мероприятиях Школы. Тексты публикуются либо в русском переводе, либо на языке оригинала с комментариями на русском языке от редакции «Тетрадей».

Директор Русской экспертной школы
Василий Щипков

О ДОКЛАДЕ М. ПАПАЗУ «РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕВРОПЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЕРНОСТЬ»

Доклад датского интеллектуала Моники Папазу начинается с определения терминов «консерватизм» и «традиция». По мнению Папазу, консерватизм можно определить как «заботу о защите человеческой жизни». «Быть рождённым означает быть связанным», — пишет она и поясняет, что человек — это не какая-то абстракция, существующая сама в себе, а сущность, неразрывно связанная с окружающим её миром, «созданным живыми и мёртвыми». Такая связь — это и есть традиция, а человеческий мир — это мир памяти, мир традиции.

Традиция — одно из ключевых понятий доклада. Автор определяет его как то, что обеспечивает сохранение прошлого и возможность будущего, что отличает человеческий мир от животного мира. Другое важное для Папазу понятие — наследие. Наследие — это «почти всё, что человек видит с самого своего рождения», начиная с языка, на котором он думает, и заканчивая пейзажем города и страной, в которой он живёт. Наследие — это всё то, что уже существует к моменту его рождения. Человека создаёт окружающая его реальность, окружающее его сообщество, но в то же время и любая реальность формируется теми людьми, которые её составляют.

Папазу стремится избегать абстрактных идеологических концептов. Она критически относится к представлению о

«человеке вообще», абстрактном человеке, которым так часто оперирует либеральное учение о правах человека. И точно так же автор стремится отойти от представления об «абстрактной Европе», приверженной «общечеловеческим ценностям». Для Папазу Европа — это «сообщества» и «культуры», которые её составляют, — английская, французская, датская, итальянская, русская. Тем стержнем, который объединяет все эти многочисленные культуры и сообщества, который позволяет говорить о них как о едином целом, который характеризует Европу как таковую, Папазу считает христианство.

Автор доклада крайне скептически относится к проекту Европейского Союза. Она говорит о том, что Евросоюз парадоксальным образом не является ни европейским, ни союзом в собственном смысле этого слова. По её мнению, Евросоюз — это явление в самой своей основе враждебное Европе и всему подлинно европейскому, враждебное христианству. Аргументируя свою позицию, Папазу резонно замечает, что слово «христианство» не было упомянуто ни в одном из проектов конституции Евросоюза. Евросоюз — это искусственное административно-территориальное объединение, весь культурный и духовный базис которого исчерпывается концепцией прав человека.

Папазу критикует идею прав человека за то, что она устанавливает ложный барьер между человеком и его страной, его культурой, отнимает у человека его идентичность. Права человека пытаются привести весь мир к одному знаменателю, стереть межкультурные границы и в конечном итоге уничтожить культурную уникальность как таковую. Папазу отмечает и другие негативные последствия этой идеологии. В качестве самых ярких примеров она приводит поддержку прав меньшинств в ущерб правам большинства (включая однополые «браки» и

усыновление такими парами детей) и ситуацию с наплывом мигрантов в ряде европейских стран, перед которым эти страны ощущают свою беспомощность. Оба примера отражают происходящий в европейском обществе слом преемственности, нравственного восприятия, традиционной семьи и других базовых социальных институтов. Тем не менее приговор, который выносит Папазу идеологии прав человека, не окончательный. Очевидно, что проблема ей видится не в самой этой концепции, а в том, как она реализуется в современном мире. «В некоторых обстоятельствах права человека могут быть полезны», — заключает Папазу.

Критически охарактеризовав господствующую идеологию современной Европы, Папазу переходит к критике самого Евросоюза. По её мнению, Евросоюз был создан вопреки воле самих европейцев. «Это просто технический проект, навязанный сверху», — утверждает она, подчёркивая, что ЕС фактически уничтожил суверенитет европейских стран, лишил их способности к самозащите, к проведению самостоятельной внутренней и внешней политики. Сущность Евросоюза заключается в том, что это утопический проект. И поэтому он, как и любая другая утопия, стремится превратить гармонию в единообразие. ЕС относится к своим гражданам не как к сознательным и ответственным личностям, каждая из которых обладает уникальной духовной и моральной идентичностью, а как к «безликому человеческому материалу». «И этот факт признаётся самими евроциновниками», — отмечает Папазу. Они осознают, что между Евросоюзом и его гражданами существует пропасть. Но вместо того, чтобы подстроить Евросоюз под нужды людей, элиты пытаются изменить людей под нужды Евросоюза. В некоторых программных документах ЕС прямо говорится о необходимости создания

«нового европейского человека», что вызывает однозначные ассоциации с аналогичными попытками воспитать «советского человека» в СССР. По всей видимости, для Европейского Союза результат будет тем же, что и для Советского Союза. Вместе с тем европейская пропаганда использует не только советский, но и свой собственный опыт времён холодной войны. Так в XX веке европейские страны сплотились для противостояния «советской угрозе», и это стало одним из важнейших мотивов для европейской интеграции, для самого старта всеевропейского проекта. После крушения советской системы сплочённость Европы сильно ослабла, и тогда в 2010-е годы на роль нового врага, для борьбы с которым нужно объединиться, была выбрана Россия.

Сама Папазу не считает Россию врагом Европы. Напротив, она указывает на то, что русская культура всегда оставалась частью общеевропейской культуры. Однако развенчивая миф об «угрожающей» и «враждебной» России, Папазу пытается обозначить другую внешнюю угрозу Европе. Такой угрозой для неё становится ислам, а её конкретным воплощением — мигранты, прибывающие в Европу из мусульманских стран. С одной стороны, у Папазу вызывает искреннее уважение то, что эти люди, в отличие от многих современных европейцев, хранят веру своих предков. С другой стороны, осознание внутренней культурной и цивилизационной слабости европейских стран заставляет Папазу враждебно относиться к исламской культуре.

Обращает на себя внимание то, что Папазу часто использует термин «ислам» фактически как синоним «исламизма», не акцентируя внимание на том, что радикальные политико-идеологические формы могут возникать в декорациях любой религиозной системы. Однако, на наш взгляд, крайне важно от-

личать ислам от идеологии исламизма, которая может использоваться политическими силами, в том числе и как средство борьбы против традиционного ислама.

Вероятно, именно такое смешение понятий приводит автора к тезису о невозможности примирить ислам с христианством. Не исключено, что к такому подходу автора толкает и то, что большинство стран Европы не имеют исторического опыта мирного сосуществования христианской и исламской культур, который есть у России. Но далее автор всё же признаёт, что мир между христианами и мусульманами теоретически возможен, хотя и будет неизбежно хрупким.

Тем не менее Папазу подчёркивает, что важнейшие причины кризиса современной Европы находятся не во вне, а внутри неё. Главная проблема — это всё-таки не ислам, а «потеря памяти», утрата традиции, которую Папазу справедливо считает не случайной забывчивостью, а целенаправленно организованным забвением. Отказ от преемственности и радикальный нигилизм составляют самую сущность культуры модерна, а теперь — и постмодерна, который является не чем иным как продолжением и завершением того же самого процесса. Модерн был борьбой против «предрассудков и суеверий». Сами эти слова тогда стали использоваться для предания негативной коннотации христианству, традиции, априорным основаниям культуры. Французская революция, ставшая кульминацией Нового времени, расколола Европу и в политическом, и в ценностном отношении. Принятие новоевропейских (относящихся к эпохе Нового времени) ценностей привело к тому, что страны Европы стали относиться к своей традиции как к чему-то недостойному, постыдному, дурному. Это привело к возникновению «нечистой совести Запада» — извращённой формы раскаяния, рас-

каения без Христа, а потому и без надежды на искупление. Вся история до Нового времени стала казаться одной бесконечной чередой несправедливостей. Но «если прошлое культуры и цивилизации — это не более чем сплошной ад кровопролития и беззакония, им нельзя гордиться и его нельзя защищать», — заключает Папазу. Отказываясь от своего прошлого, человек становится бездомным, начинает чувствовать себя гостем на своей собственной земле, оказывается одиноким, беззащитным, легко манипулируемым.

В качестве одного из проявлений культурного кризиса Запада Папазу видит марксизм. Марксизм отверг духовные основы человеческого существования, назвав их формами «надстройки», или «ложным сознанием». Маркс и его последователи выдвинули на первый план концепцию «универсального» человека, пролетария, у которого «нет страны». По мнению Папазу, марксизм ещё более усугубил у европейских народов чувство вины за своё историческое прошлое и развенчал идею о достоинстве европейской цивилизации.

Резюмируя свой анализ современного состояния Европы, Папазу приходит к печальным выводам. В качестве ценностной основы современного европейского единства был избран «безумный универсализм», тирания абстрактного над реальным и отвержение коллективной памяти Европы. Правые политические партии, которые, как считает Папазу, пытаются ставить интересы своего народа выше абстрактной идеологии, силами политического мейнстрима дискредитируются и клеймятся как популистские. Папазу отзывается о правых партиях с явной симпатией, поскольку, как она полагает, именно они в текущих условиях представляют ту часть общества, которая обладает чувством исторической, культурной и социальной преемственности.

Во второй части своего доклада Моника Папазу обращается к теме России и её отношений с Европой. Для Европы Россия — это в своём роде «волшебное зеркало», — пишет Папазу, — в котором можно увидеть как ужасные кошмары, так и самые желанные вещи. Россия — это часть Европы, потому что она является частью христианского мира, а история Запада и история России всегда были неразрывно связаны между собой. Западная Европа имела колоссальное влияние на русскую культуру, в особенности на музыку и литературу. По мнению Папазу, это влияние вовсе не сводилось лишь к копированию западных образцов, но служило источником вдохновения, вызывая к жизни собственные творческие силы. Но западное влияние было не только положительным. Запад привнёс в Россию и свою беспочвенность, свой внутренний раскол между традиционной культурой и разрушительными утопиями. И революция 1917 года была вдохновлена именно западными идеями. Папазу указывает на то, что Великая французская революция и связанные с ней события стали в итоге своеобразной репетицией всего того, что спустя столетие произошло в России.

Однако коммунизм вовсе не разделил Европу, как считают многие, — пишет Папазу, — а объединил её в противостоянии коммунистической утопии. Россия и Восточная Европа стали в своём роде козлом отпущения, призванным нести бремя европейских грехов. Но драматизм ситуации автор видит не в этом, а в том, что падение коммунизма не привело к «освобождению и исцелению» Европы. Запад «продолжил смотреть на свой железный занавес», не понимая, что занавес этот соткан из его собственного отрицания реальности и непонимания истинной природы человека. Запад не избавился от своих заблуждений, от своей беспочвенности, но, напротив, стал прививать их Вос-

точной Европе, народам, которые до этого сами противостояли насаждаемому им коммунизму. И Россия стала той единственной страной, которая избежала этой печальной участи. Россия, в отличие от Европы, постаралась найти чувство общности, восстановить память страны, связать вместе прошлое и настоящее и вернуться к вере отцов. И это, по мнению Папазу, подлинное достижение, которое Россия должна сообщить всему миру.

Завершает автор свои «Размышления о Европе...» обращением к теме идентичности. Процесс формирования идентичности Папазу определяет как творческий процесс, как «установление связи с родителями, предками, с родной землёй, небом, с языком и культурой». Так же как личность устанавливает связь с миром, и он становится её частью, так и народ обретает сам себя, вспоминая своё прошлое. Лишь сохраняя свою традицию, свою коллективную идентичность, общество становится способным встретить своё будущее. Верность традиции, преданность тому, что шире и выше, чем ограниченная человеческая жизнь, являются неотъемлемой частью идентичности. Однако современная Европа отказывается думать о чём-либо, что может выходить за рамки человеческой личности, и поэтому нынешний кризис европейской идентичности — это в своей основе кризис верности европейской традиции. Подводя итог, Моника Папазу цитирует Владимира Волкова, французского писателя, родившегося в семье русских эмигрантов: «Я думаю, что мы должны быть верными будущему нашего прошлого». И с этой мыслью трудно не согласиться.

REFLECTIONS ON EUROPE: IDENTITY AND FIDELITY

These reflections on Europe are written from the point of view of a conservative writer who was born in Eastern Europe (Romania) but has lived in the West (Denmark) for almost forty years.

Conservatism, deriving from the Latin «conservare» («to preserve, keep, guard»), is characterized by a will to protect. In a broad but not superficial sense conservatism can be defined as a concern to *defend human life*. By saying that, we have already touched the heart of the matter. For how is life that is essentially human to be defined?

The best way to answer this question is by beginning at the beginning, that is to say beginning with the objective, given, unalterable facts of human existence – and the beginning of man is, as the German philosopher Hannah Arendt wrote, his *birth*, the fact of being born. To be born is a bond: Man does not owe his existence to himself, nor is he born into a void but into «a pre-existing world, constructed by the living and the dead»¹. This world has an *objective* existence: a land; parents, ancestors; the vast expanse of history and historical experience; a common language; common assumptions and values. It is an «old» world, marked by that *legacy of the past* we call culture.

The human world is a world of «memory», that is to say of «tradition». To quote Arendt once more: «Without tradition — which selects and names, which hands down and preserves, which

¹ *Hannah Arendt, Between Past and Future: Six Exercises in Political Thought*, London: Faber and Faber, 1961, pp. 61, 174, 196, 177.

indicates where the treasures are and what their worth is — there seems to be no willed continuity in time and hence <...> neither past nor future, only sempiternal change of the world and the biological cycle of living creatures in it»².

That is indeed the difference between the animal and the human world. Whereas the animal world is the world of generations coming to life and disappearing without a trace, a mere repetition of the same individual being born over and over again, the human world has a history and is constituted by a permanent flow of memories being handed down to new generations. Humans have a future because they have a past. If there is no past, then the future is simply the biological reproduction of individuals. If there is no past to be remembered, then humans, contrary to their nature, are caught in a blind continuous present.

Part of that «pre-existing world, constructed by the living and the dead», that part which is *ours* is Europe, to begin with the country in which we were born. It is its air we first breathed, and together with it we breathed our first language and the *Weltanschauung* of the language (for every language is an understanding of the world), the first tales and historical memories that have come down to us from times past. From his very birth man is plunged into an inherited world, a world in which everything (language, tales, memories; paths in the landscape and cities) is heritage. That's what constitutes a human being in his living concreteness. The individual is constituted by his community — the individual is already a bond — just as the community is constituted of its individuals.

² Ibid., p. 5.

If we now turn to the main question in hand — namely Europe — the first answer, which is nothing more than a simple statement of fact, is that Europe means the communities that constitute it. In principle, national communities held together by the bonds of language, historical trials, tradition and custom. Europe is: English and French and Danish and Italian and Russian cultures. That is the European reality and at the same time Europe's lasting richness.

What enables us to say «Europe» in the singular is that which unites all these different and yet related communities, and that is *Christianity*: Europe is a gift of «the child in the manger»³. Christianity is what created Europe.

Now, what is the connection between Europe and the European Union? The European Union is a semantic forgery. It is neither a «union», nor is it «European». It all depends on whether one understands Europe as a mere *territory* on a map or as a *spiritual* personality. If all there is to it is a territory, then one is right in talking about a European Union. But if one's understanding is spiritual and cultural, then there is hardly anything European in the European Union.

It cannot be purely accidental that the one word that has been avoided in the (provisional or ratified) constitutions of the European Union⁴ has been Christianity. It is precisely that which *characterizes* and *unites* Europe that has been omitted.

Instead of what is specifically European the European Union is committed to «human rights». The opposite of «human rights» is not a contrasting theory advocating for lawlessness and inhuman behaviour, quite on the contrary, it is a demand that human beings should be perceived and treated as *human*, and not as faceless num-

³ *Constantin Noica*, *Despre demnitatea Europei* (On the Dignity of Europe), Bucharest: Humanitas, 1993, 2012, pp. 71-80.

⁴ For example, Treaty establishing a Constitution for Europe (2004), Treaty of Lisbon (2007).

bers. The problem with human rights is that they strip the individuals of that which constitutes their living identity — their culture (which is always an inherited culture), their traditions, their personal and collective history. They establish an intellectually false barrier between the individual and the community. At present, human rights (which under certain circumstances can have beneficial effects) are *a mechanism for the destruction of the existing communities* — by bringing not only Europe but the whole world down to a common denominator.

This can be illustrated by numerous examples, ranging from the difficulty of the Western European countries to defend their borders against the migration flow and thus protect their rights as a community, to upholding small (even insignificant) minorities' rights against the rights of the majority (one remembers the debates concerning the homosexuals' right to a religious wedding and to the adoption of children). In both examples continuity is broken — a continuity of tradition, of moral perception, basic institutions (such as the family) and social forms — and replaced by upheaval and uprootedness and consequently *homelessness*.

The European Union is simply a technical project (institutions and regulations) imposed from above, which deprives the participant countries of their sovereignty, that is to say of the authority to fashion the community in accordance with its own traditions, to lay down laws that bear the stamp of its historical understanding of the law, and to defend itself. In other words, it breaks up the continuity that lies at the foundation of a community as — to put it in Edmund Burke's well-known words — «a partnership not only between those who are living, but between those who are living, those who are dead, and those who are to be born»⁵.

⁵ *Edmund Burke*, *Reflections on the Revolution in France* (ed. J. C. D. Clark), Stanford, California: Stanford University Press, 2001, p. 261.

The European Union is a project with utopian features, and as all utopias do, it treats human beings as passive human material without any identity. It is a project in movement, as stated in the preambles of the treaties. The goal is «an ever closer union among the European peoples»⁶. Using Aristotle's terms one could say that instead of seeking «harmony» (harmony presupposes diversity), the European Union seeks to turn «harmony into unison»⁷.

This point can be illustrated by a document of the European Union — an old document that is not very well known, maybe because it was thought somehow embarrassing in its candour. It is the Report of the Belgian politician Willy De Clercq, former European Commissioner for External Relations and Trade (1985-1989), a report that dates back to 1993: *Reflection on Information and Communication Policy of the European Community*⁸.

In its opening paragraph the report states that: «The European Community is in a critical situation in terms of confidence, credibility, desirability, economic performance, peace-keeping capability, public approval and public support» (1.1).

This is an open avowal of the gap between the European Union and its inhabitants. There is no «union»; perfect unison has not been achieved («Europe does not speak with one voice», 2.2). The remedy suggested by the report is the use of pure propaganda in order to create the New European Man: «Stimuli» must be created in order

⁶ As stated since 1957 in The Treaty establishing a European Economic Community (EEC).

⁷ Aristotle, *Politics* (trans. B. Jowett), Oxford: Clarendon Press, 1885; II,5; 1263b14-15.

⁸ *Reflection on Information and Communication Policy of the European Community: Report by the Group of Experts chaired by Mr. Willy De Clercq, Member of the European Parliament, March 1993 (EU European Parliament Document) (http://aei.pitt.edu/29870/1/DE_CLERCQ_REPORT_INFO_COMM_POLICY.pdf).*

to «change» people's «attitudes» and «obtain (the) desired reactions» (3.7; 2.2). The word «stimuli» is obviously taken from the field of biology. A plant reacts to a light stimulus; the well-known Ivan Pavlov (1849-1936) experimented with dogs and discovered the mechanism of «conditioned reflexes». What is important here is the fact that the population of Europe is treated not as conscious and responsible human beings with a moral and spiritual identity but reduced to animals in a testing laboratory.

The report does admit that this automatic sameness and «togetherness» is hard to achieve, because «[t]he need to close ranks in the face of a common enemy has been largely dissipated by the collapse of the Soviet Union» (1.1;4.1).

A quarter of a century later, in our present day, the ideas in the report have been finally carried out. The European Union has set up a propaganda apparatus, called East StratCom Task Force, with the aim of promoting a positive image of the European Union and re-creating that enemy-image which disappeared with the collapse of the Soviet Union, that is to say casting Russia in the role of the «common enemy». (This activity is euphemistically called «forecasting, addressing and responding to disinformation»⁹.)

So now I am going to ask the question: *What is the menace against Europe?* And I mean that Europe which is constituted by its peoples and cultures — Europe in depth.

⁹ https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/2116/%20Questions%20and%20Answers%20about%20the%20East%20StratCom%20Task%20Force.

There is first a threat from outside. This threat is so concrete and visible that one can talk of «population replacement» and, as for example in France, of the country's «lost territories»¹⁰.

What is at issue is the fact that the large mass of immigrants are not that abstract tabula rasa-individual which the ideology of human rights operates with, but flesh and blood, human beings who carry their community of origin with them, who maintain their faith and their ancient loyalties, which in itself is worthy of respect, but which also makes them largely impervious to their new environment.

The danger that Europe is facing — the danger from without — is Islam. Islam is a religion of war [here and further the author probably conflates the concepts «Islam» and «Islamism» — *by editor*] dividing the world into two: the *Dar al-Islam* or «house of Islam, abode of Submission and Peace» (territories ruled by a Muslim government) and the *Dar al-Harb* or «house of war», where Islam is not yet reigning. However, the theological opposition between Islam and Christianity runs even deeper.

Islam is not opposed to Christianity in the same way the other religions which do not know Christ are opposed to — or simply different from — Christianity as God's revelation through Jesus Christ. All non-Christian religions with the exception of Islam can, in a large and generous sense, be interpreted as «myths» or «symbolic images» that God sends to the heathens in order to guide them and call them unto him¹¹. What makes Islam different is that it is the only religion that consciously rejects salvation through Christ.

¹⁰ *Renaud Camus*, *Le Grand Remplacement*, Neuilly sur Seine: Éditions David Reinharc, 2011; Alain Finkielkraut, *L'identité malheureuse*, Paris: Gallimard, Folio, 2015, p. 177.

¹¹ *Chesterton G.K.*, *The Everlasting Man*, London: Hodder & Stoughton, 1925; *C.S. Lewis*, *The Pilgrim's Regress*, London: J.M. Dent and Sons, 1933.

For Islam, Jesus is not «the Christ, the Son of the living God», he is not Immanuel («God with us»), he is not the Saviour (Mt 16,15-18; 1,23; Lk 2,11). At the same time, Islam appropriates Jesus as a Muslim prophet and creates a distorted image of him.

The other characteristics of Islam are consequences of this original rejection. As transcendence and immanence do not meet in the paradox of the Incarnation, the Muslim God is a distant God, wrapped in his frozen eternity. His Quran is not an inspired book, written down by people who listened to God and with their limited capacities and the force of their faith scribbled down what they had heard, seen and understood, but an uncreated book, eternal not only in its spirit and significance but in its very letter. As Islam is also a social and political project, a pattern of society that defines all human behaviours and relationships, a code of law established from all eternity, the tendency of Islam is to arrest movement, to stop history. This unconditional submission to laws and decrees that are deemed eternal, this world encapsulated in itself, crossing history like a caravan travelling through the vast expanses of the desert, is Islam's strength.

It goes without saying that to talk about «Christianity versus Islam» is to talk about the main features of the two religions and civilizations, leaving aside the question of individual Muslims perfectly capable of becoming integrated into a hosting European society and thus of abandoning a purely Islamic way of life. It also leaves aside the question of the coexistence of the two religious groups under precise historical circumstances. Coexistence is possible, has been possible but can be fragile, as testified by the wars that accompanied the breakup of Yugoslavia.

The point here is not the Islamic threat as such but the reason why Europe is not defending itself, and what's more, is quite

willing, even with the most brutal means, to side with Islam against Christianity — I am thinking, of course, of the Yugoslavian tragedy and the loss of Kosovo and Metohija. The very fact that the attitude of Western Europe (and the United States) can, in this case, only be explained in terms of geopolitical interests shows the official West's indifference towards its own religion and civilization.

The paradox is that Europe could have been prepared for a confrontation with Islam because Islam, since its very beginning, has followed the Christendom like a shadow. It is not accidental that the first Christian theologian to write about Islam was the Father of the Church John of Damascus¹², born some 30 years after the Muslim conquest of Syria in the 630's. Afterwards, Europe itself was brought face-to-face with Islam for more than one thousand years. There have been victories: Charles the Hammer, the battle of Poitiers, 732; John Sobieski, the battle of Vienna, 1683; and there have been the two «reconquests»: the Catholic *Reconquista* of the Iberian Peninsula (spanning some 770 years between 711 and 1492), and the Orthodox «reconquest», the liberation of the Orthodox lands south and north of the Danube at the end of the 19th century. If Europe had preserved its historical sense, then it could have said as the French writer Jean Raspail does in his well-known book *Le Camp des Saints*: «The fall of Constantinople is a personal misfortune that happened to all of us only last week»¹³.

But that is not what Europe is saying today. Such words find no echo. History is indeed something that has taken place, but history in itself is silent. Here, the opposite of silence is *remembrance*.

¹² *St. John of Damascus*, Fount of Knowledge, part two Heresies in Epitome: How They Began and Whence They Drew Their Origin (De haeresibus); Disputatio Saraceni et Christiani.

¹³ *Jean Raspail*, *Le Camp des Saints* (Camp of Saints), Paris: Robert Laffont, 1973, 2011, p. 389.

The problem of Europe is not Islam, it is the loss of memory. It is not the kind of forgetfulness that comes with time, but a form of *organized oblivion*. In order for history to be fruitful, to be something else than decaying graves, the dearly paid-for experiences of the previous generations have to be passed down. This is what ensures the continuity of a cultural community.

The rejection of continuity, as well as the «denial of everything given», is the hallmark of the «radical nihilism» of modernity¹⁴, and present-day post-modernity is only the prolongation and the completion of this process.

What characterized the «Enlightened» modernity — notably in its influential, revolutionary French variant — was the struggle against the so-called «prejudices» and «superstitions», words that designate Christianity, tradition, customs and covenants, that is to say *the a priori foundations of culture*. With the French Revolution France was split into two¹⁵, and the division has, in the course of time, become the division of the whole Europe. Rejected and devaluated, the past ceases to be a source of knowledge and to provide orientation points for the present. Moreover, *the bad conscience of the West* — which is a perverse form of repentance without Christ and therefore without hope — has transformed the past into a bottomless pit of iniquity. If all the past of one's country (or one's civilization) is nothing more than an inferno of bloodshed and injustice, if one has nothing to love, to cherish, to look up to and to be proud of, then one has nothing to protect, nothing to defend. A *homeless* person cannot defend the home that he does not have. The break with the past involves the breaking down of the bond among gen-

¹⁴ Cf. Hannah Arendt, op. cit., p. 34.

¹⁵ *Jean de Viguerie*, *Les deux patries: Essai historique sur l'idée de patrie en France*, Poitiers: Dominique Martin Morin (DMM), 2004.

erations, which leaves the individual solitary, defenceless and easy to manipulate.

The cultural crisis in the West is also connected with the recent past, with the ideology that has dominated a significant part the Western intelligentsia, namely Marxism. Marxism threw a veil over man's spiritual existence. Religion, metaphysical questions, morality, family, culture belonged to the «superstructure» (as opposed to the material, work-defined «base») and, in their older forms, were deemed as transitory forms of «false consciousness». Marxism brought to the fore an illusory concept of «universal man», the universalism of the class struggle, in which the universal working class — working men «without a country»¹⁶ — is united against its exploiters, and the abstract universalism of a utopian future. Marxism was further used to instil a guilty conscience in the West, and to delegitimize the idea of the dignity of the European civilization.

The point here is that the ideological presuppositions of the European Union, the background belief it is built upon, the presuppositions of the dominant ideology with its loosely defined but all-pervading «political correctness», is exactly this kind of universalism, a sort of *universalism gone mad, the tyranny of abstract thinking over the reality of life*. That is the deep reason why the European Union cannot define itself as European (European is specific and not universal) and is rejecting Europe's collective memory. In consequence, it shirks the duty of protecting the European peoples.

Pockets of resistance are to be found in almost every European country. They are delegitimized by being labelled «populist»

¹⁶ *Karl Marx, Frederick Engels, The Communist Manifesto, 1848, chap. II.*

(which is used as an invective) and by being accused of «lagging behind the times»¹⁷. Nevertheless, they exist and they lend a voice to that part of the society which has safeguarded its sense of historical, cultural and social continuity.

What about Russia? Is Russia totally different from the rest of Europe, or can it best be understood in connection with Europe?

The short answer to this question is that Russia is not «the window» to Europe, but the *mirror* of Europe. It is a magnifying glass through which Europe can be seen, and it is also an enchanted mirror: the mirror one can go through and find not only that one's shattering nightmares have come true (I am thinking of the communism of the Gulag) but also that the most cherished things one thought lost forever still exist.

Russia is Europe. First of all, because Russia means Christianity. Russia is still that «Holy Russia» («Святая Русь») one can see on Mikhail Nesterov's touching painting of the same title: the people, each with his burden of sin and suffering, coming to Christ, the Saviour of the world; people from all walks of life drawn to the Light of the World¹⁸.

The paths of Russia and the West have often crossed each other — in different ways and with different outcomes. Western Europe has had an enormous influence on Russian literature, arts in general, music (even Church music, as testified by Alexander Kastal-

¹⁷ *Chantal Delsol*, *Populisme: Les demeurés de l'histoire*, Paris: Éditions du Rocher, 2015.

¹⁸ Mikhail Nesterov's painting dates back to 1901-1906.

sky's¹⁹ and Sergei Rachmaninoff's efforts to come back to the roots of Russian Church music — the so-called «New Direction», «новое направление»), as well as on philosophy and even theology (which later received the answer of an Aleksey Khomyakov²⁰). At first, influence meant imitation but influence turned finally out to be a source of inspiration that set Russia's own creative powers free.

This is only part of the story. The West also brought its rootlessness, the split between inherited culture and destructive utopias with it, which led to the Bolshevik revolution. Such tragic upheavals as the Bolshevik revolution can never be explained by just one cause — there are always imbrications of causes and effects and a fortuitous set of circumstances with fatal and irreversible results. Nevertheless, the intellectual roots of the Bolshevik revolution were Western. Communism was a Western ideology that was experimented on Russia. It is enough to re-read Dostoevsky's great novels in order to grasp the intensity of the new destructive way of thinking, imported from the West, and now laying waste the Russian soul.

The Bolshevik revolution, in its essence, was not at all new. It was the grand performance of a relatively old show, the French Revolution which, compared with what would happen in Russia, was a kind of «costume rehearsal».

Contrary to the common perception, communism was not that which divided Europe into two, but that which in a tragic fashion unites it. In religious terms, one could say that Russia — as well as

¹⁹ The renaissance of Church music in Russia can be traced back to Tchaikovsky. The composer Alexander Kastalsky (1856-1926), director of the Moscow Synodal School and of the Moscow Synodal Choir, played a crucial role in the rediscovery of the authentic riches of the Russian sacred music.

²⁰ Aleksey Khomyakov (1804-1860), the main representative of the Slavophile movement.

Eastern Europe in general — was chosen to bear the sins of Europe.

As a person who has grown up under communism it has always been my profound conviction that the long-hoped-for fall of communism would necessarily bring about not only our own liberation but also the liberation and the healing of Europe. However, this did not happen. The West kept on staring at the Iron Curtain without understanding that the Curtain was woven of the threads of its own *denial of reality* and *misconceptions about man*. And when the Curtain did disappear the West continued to instill its own delusions into Eastern Europe and spread its rootlessness into societies that had actually withstood communism.

The only country that — in my opinion — has escaped this fate is Russia. For Russia, as I have witnessed from a distance, is making an effort to find the sense of community, to retrieve the lost memory of the country, to bind the past and the present together, to come back to the faith of our Fathers. That is exactly what Russia is called to tell the world, so that *the harvest of suffering* (the suffering of communism) should enlighten the mind and the soul of Europe. Actually, Russia is trying to say that, but it is not being properly heard.

At the beginning of this paper I emphasized the fact of being born — the bonds with parents, ancestors, a sky, a piece of land, a language, a culture. These are *given* realities, and they are to be received as a *gift* and made one's own.

The process of receiving is a creative process leading finally to the formation of identity. Just as the individual receives

a «world» — his own «pre-existing world» that becomes part of him — and thus acquires an identity, so the community receives itself anew by recollecting its past and thus safeguards its collective identity and becomes capable of meeting its future.

Identity — the condition of being oneself and not another — always involves something other than the individual encased in itself, and who is a prey to his varying emotions and drives. Identity involves *fidelity, faithfulness*, remaining true to something that is broader and higher than one's limited self and life.

That is why today, Europe is experiencing an identity crisis. It is, at bottom, *a crisis of fidelity*.

I would like to close these reflections with a quotation from a Russian author who wrote all his works in French. His name is Vladimir Volkoff. By choosing him I am also bringing an illustration of the connection between Russia and the West that I mentioned before. Volkoff writes: «We are not Nobody's Sons <...>, nor are we Travellers without luggage <...>. No, we have a legacy to pass down. What must we be faithful to? I think that we have to be faithful to the future of our past»²¹.

²¹ Vladimir Volkoff (1932-2005), a descendant of the composer Pyotr Tchaikovsky and grandson of the White general Vladimir Volkoff under the command of Admiral Alexander Kolchak, received French literary awards (among others, Prix Chateaubriand and Grand Prix du Roman de l'Académie française). Quotation from: Vladimir Volkoff: Les Dossiers H, Dossier conçu et dirigé par Lydwine Helly, Lausanne: L'Âge d'Homme, 2006, p. 272. – Volkoff is referring here to two symptomatic plays: Henry de Montherlant, *Fils de personne* (1943) and Jean Anouilh, *Le voyageur sans bagage* (1937).

Научное издание

Тетради
Русской экспертной школы
№ 4/2017

Главный редактор

В. А. Щипков

Научный редактор

Е. Е. Мамаев

Корректор

А. А. Климова

Вёрстка

К. Струков

Издатель

Русская экспертная школа
vk.com/ruseschool
ruseschool@yandex.ru

Подписано в печать 01.12.2017
Формат 60x84/₁₆. Объем 7,9 усл. печ. л.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в издательстве «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

Эксперты номера

Белжеларский Евгений Александрович

научный консультант Русской экспертной школы, политический философ, литературный критик

Козырев Алексей Павлович

заместитель декана философского факультета МГУ им М. В. Ломоносова, канд. филос. наук, доцент

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политолог, политический технолог и консультант, канд. филос. наук

Рогозянский Андрей Брониславович

научный консультант Русской экспертной школы, философ, публицист

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы, преподаватель МГИМО МИД России, канд. филос. наук

Rarazu Monica

Master of Arts, writer (Denmark)

ISBN 978-5-98604-646-4

9 785986 046464